

КАРЕН КОУЛС

ПРИЮТ
ГНЕВА
И СНОВ

Здесь лгут все, кроме меня...

Карен Коулс
Приют гнева и снов
Серия «Total Black:
НОВЫЙ ТЕМНЫЙ РОМАН»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70320064
Приют гнева и снов: Издательство АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-157713-1

Аннотация

1906 год, Психиатрическая лечебница Анджелтон... Вот уже пять лет я нахожусь здесь, но все еще не могу вспомнить, как я сюда попала.

Я – Мод Ловелл, но почему-то все называют меня Мэри. Говорят, что я истерична, крайне неуравновешенна и склонна к насилию.

Доктор Диамант считает, что я идеальный пациент для экспериментов с эволюционной практикой медицинского гипноза. И я ему доверяю. Но по мере того, как я все глубже погружаюсь в прошлое, становится ясно, что заключение в Анджелтоне и высокие дозы лекарств требуются лишь для того, чтобы заставить меня молчать.

Однажды пелена моего безумия рассеивается, и я решаюсь на мечь...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	62
Глава 8	68
Глава 9	78
Глава 10	93
Глава 11	106
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Карен Коулс

Приют гнева и снов

Copyright © Caren Coles, 2021

© Сабова А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

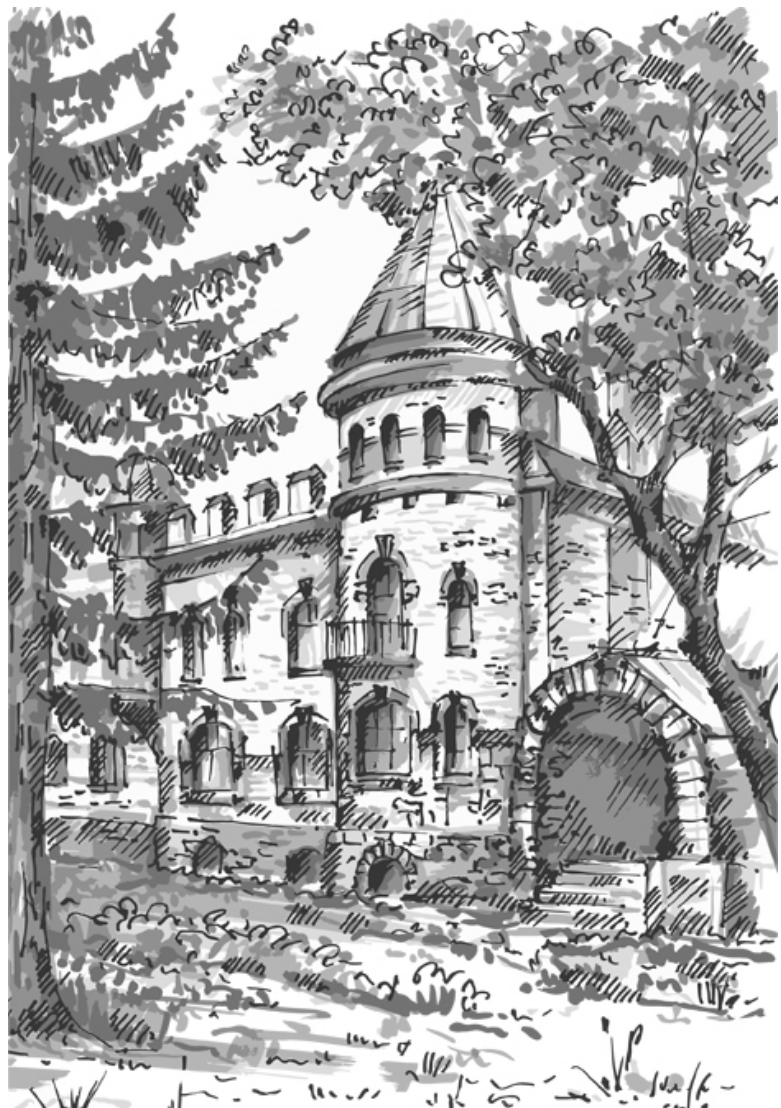
* * *

Моим родителям

Пролог

Покосившийся и осевший особняк Эштон-хаус напоминает согбенного годами сумасшедшего. Как я могла знать в тот первый день, что его обитатели так же уродливы, как эти бесформенные бревна, так же убоги, искалечены и больны – разумом и духом? Возможно, это они заразили меня. Или безумие сочилось прямо из болота, окутанного ядовитыми испарениями, растворялось в самом воздухе, которым мы дышали, – и никто из нас не смог скрыться. Никто.

Глава 1

Заросли боярышника укроют меня, под защитой их беспощадных шипов я дождусь рассвета. Звезды скрылись за облаками, и я осталась совсем одна посреди болота, со всеми его канавками и ручейками, стоячей водой и жадной до человеческой плоти трясиной.

Конечно, болото может поглотить меня. Мне плохо, я ослабла от голода, и здесь холодно, так холодно, но, может быть, оно все же пощадит меня. В конце концов, мы с ним старые друзья. Оно хорошо меня знает. Ночной холод пробирает до костей. Волны озноба пробегают по телу снова и снова. Так хочется домой, но дома больше нет – только не для меня.

В деревьях словно призрак мелькает фигура, она все ближе. Этот человек пришел убить меня, или даже хуже. Дышать. Надо дышать. Он пройдет мимо, если я замру и не издам ни звука, и буду держать рот открытым, чтобы он не услышал, как стучат мои зубы.

Он оглядывается направо и налево. И наконец смотрит прямо перед собой – на меня.

Он улыбается.

Я вскакиваю и бросаюсь бежать. Везде вода, вода и тьма.

Он почти добрался до меня, он скользит и едет на неверной болотистой почве, его руки распростерты, как у пугала.

Упади, пожалуйста, упади. Пусть болото заберет тебя, утянет тебя на дно, скроет твое лицо. Пусть болото заберет тебя и спасет меня.

Чавкающий звук шагов. Болото старается, засасывает его ботинки, ноги, но этого мало. Грязные белые руки тянутся ко мне, пальцы цепляются за мое платье.

Вода заливает уши, рот.

Я не могу дышать, и вода...

Громкие голоса, вспышка света – и болота больше нет. Надо мной нависает тень. Прежде чем я успеваю закричать, она переворачивает меня на живот, как мертвую рыбу на разделочной доске, и вонзает в мое тело иглу. Теперь кричать нет никакого смысла, потому что я знаю, где нахожусь – в приюте, и здесь нет ни болота, ни моего убийцы.

Сердце замедляет бешеный ритм. Все звуки стихают, и благословенный сон обволакивает меня, увлекая в небытие.

Уже утро. Я стою на цыпочках, прижавшись лицом к холодной металлической решетке, и слежу за рошей вдалеке – наверное, это боярышник, в тени за ней лежит болото, где тела любовников тесно сплелись, а мертвецы гниют в воде.

Если вглядываться достаточно пристально, иногда мне удается представить себя на свободе, за пределами этих стен, на свежем воздухе – и вот тогда стопами можно почти ощутить прикосновение травы, а на кожу ложится холодное дыхание ветра. Но только не сегодня. Сегодня мне ни на чем не сосредоточиться – в соседней палате шумят сумасшедшие.

Я оборачиваюсь и кричу им в стену:

– Замолчите! Замолчите!

Когда я возвращаюсь к деревьям, их уже не разглядеть – их укрыло завесой пришедшего с моря тумана. Мои каблуки опускаются на пол, и пейзаж исчезает, уступая место прямоугольнику неба. Конечно, я люблю небо, как и все, но так хотелось бы опустить окна чуть пониже – тогда получилось бы разглядеть и мир за их пределами.

О такой роскоши можно только мечтать. Может, однажды меня переведут в другую комнату, где окна шире и больше света? Хотя даже если я попрошу об этом, никуда меня не переведут – пусть у них и есть свободная палата. Наверняка ее отдадут кому-нибудь послушному, прилежному.

Металлическая решетка не позволяет мне сбежать, хотя искренне не понимаю, к чему все эти усилия. Окно слишком узкое, и даже такой худышке, как я, в него не протиснуться, да и потом оно едва открывается – мешает железная щеколда. И кому вообще может прийти в голову спрыгнуть отсюда? До земли далеко. А приземлиться можно только в вымощенный камнем внутренний двор, переломав себе все кости. Колени подгибаются от одной мысли об этом.

Из-за соседней двери доносится невыносимый скрежет – и грохот. Лучше бы санитары сняли решетку с окна в той палате. Оно больше моего, и там все достаточно безумны, чтобы выпрыгивать из окна один за другим. Во дворе скопится целая груда переломанных тел.

И тогда я наконец обрету покой.

Бледные лучи солнца проникают через решетку и вычерчивают ромбовидный узор на полу. Я успеваю полюбоваться им считанные секунды перед тем, как он исчезает. Свет никогда не задерживается около меня – наверняка его пугает тьма во мне.

Смотрители говорят, что я потеряла разум пять лет назад. И говорят это так, будто срок невероятно велик. «Всего пять лет? – переспрашиваю я. – Куда же делись остальные двадцать два года?» Они пожимают плечами. Они не знают, и я тоже. Двадцать два года исчезли, будто их и не было. Если бы не воспоминания о болоте, можно было бы подумать, что я появилась на свет здесь безумной от рождения, но болото – было. И его утрата оставила полую боль в моей груди. Она всегда со мной и не думает отступать.

Глава 2

Небо бледнеет и хмурится, прежде чем я слышу звук поворачиваемого в замке ключа. Из-за двери появляется санитарка в синем платье с накрахмаленным белым передником. У нее квадратное лицо и двойной подбородок. И шея такая же широкая, как и голова, а кожа напоминает вареную грудинку.

– К тебе доктор, – говорит она.

Это не тот же доктор, что и всегда. Внутри у меня все сжимается. Не могу сказать, что мне нравится доктор Уомак. Иначе я бы не попыталась его убить, уж точно не душила бы его, как в тот раз.

Но Уомак хитрый и скользкий, с поникшими напوماженными усами, а этот новый доктор гладко выбрит и кажется моложе. У него добрые глаза, вокруг них появляются морщинки, когда он улыбается.

– Доброе утро, Мэри, – обращается ко мне он.

Надо сказать ему, что меня зовут не Мэри, а Мод. Хотя в бумагах я значусь как Мэри, потому все меня так и зовут, так что, может, это как раз я ошибаюсь. Да ради всего святого, должна ведь я знать такие вещи! Должна же я быть уверена в собственном имени.

Он придвигает себе стул.

– Меня зовут доктор Диммонд, – говорит он. – Вы

помните, почему оказались здесь, Мэри?

Как же раздражает, что он зовет меня чужим именем.

– Помните, как заболели? Что вызвало вашу болезнь?

– Нет.

Он смотрит в мои бумаги, переворачивает страницу, еще одну, хмурится. Его глаза бегают из стороны в сторону, пока он читает. Он поворачивается к Подбородку.

– Здесь всегда применяют такой уровень седации?

– К этой пациентке – да, – произносит она с придыханием. Я ей не нравлюсь. Никому из них я не нравлюсь, потому что пыталась убить Уомака, а может, потому что мне это не удалось.

– Тогда остается только удивляться, как пациентка стоит без посторонней помощи, про память я уже молчу.

– У этой кошмары начнутся, доктор, если мы не дадим ей достаточно лекарств.

– Ясно. – Доктор поворачивается ко мне. – Что ж, уменьшим дозу и посмотрим, что из этого выйдет. – Он достает из кармана книгу и протягивает мне. Это тетрадь с цветами на обложке. Она новая и чистая, и никто в ней еще не писал. – Я бы хотел, чтобы вы записали все, что помните о своем прошлом, – абсолютно все. Может пригодиться даже самая незначительная деталь.

Он и понятия не имеет, как легко мысли вылетают у меня из головы, но я все равно киваю.

– Держите тетрадь при себе, чтобы она всегда была под

рукой на случай, если вдруг что-то вспомнится.

И передает мне наточенный карандаш. Мне не удастся скрыть удивление – обычно острые предметы под запретом. Я перевожу взгляд на Подбородок. Она тоже это заметила, но ничего не говорит из страха возразить доктору. Я прикрываю карандаш тетрадью, пряча подальше от чужих глаз. Может, она и забудет о нем.

Доктор хмурится.

– Вы умеете писать?

– Мой отец был учителем.

– Вы помните своего отца? – вырывается у него.

– Нет. – Не знаю, почему это сказала. Откуда вообще взялись эти слова? – Может быть, это неправда.

Он поджимает губы.

– И все же хотел бы узнать, что вы помните о прошлом, будь то правда или нет.

– Я не могу ничего вспомнить.

Он обводит комнату взглядом и слабо улыбается.

– На вашем месте я бы не был так в этом уверен. – Он еще раз смотрит вокруг себя и перестает улыбаться. – Можете лечь и закрыть глаза?

Я делаю, как он говорит. Эти врачи всегда выдумывают какие-нибудь уловки, чтобы заставить меня признаться в преступлениях, о которых я ничего не помню. Что бы я ни совершила, все это уже в прошлом. Его уже поглотила тьма, порожденная гниющими в моей голове секретами. Ничего

им не удастся найти, как бы они ни старались. Даже лучшим врачам не под силу найти то, чего уже нет.

– Расслабьтесь, Мэри, и разожмите руки.

– Мод, – говорю я. – Меня зовут Мод.

Слышно, как ручка скребет по бумаге.

– Ну вот, уже неплохое начало, – произносит он. И я думаю, как же это просто. Будто семечки щелкать. – Дышите глубоко. Расслабьтесь.

Мои пальцы оцепенели и отказываются слушаться. Я медленно разжимаю их.

– Представьте, что вы в безопасном и красивом месте, и постарайтесь вообразить его.

Боярышник. Боярышник и стоячая вода в кромешной ночи.

– Представьте, что гуляете там, вы в безопасности.

Гуляю? По болоту? Ночью?

– Все спокойно, – говорит он. – Ничто не может вам навредить.

Кто-то кричит в коридоре. От шагов дрожит пол. Вибрация доходит и до моей кровати.

– Где вы сейчас? – спрашивает врач.

– В моей комнате. – Я открываю глаза.

Он кивает и делает запись в моих бумагах.

– Интересно. Ничего не получилось вспомнить? Совсем?

– Нет.

– А увидеть безопасное место?

– Нет.

Он кивает и продолжает писать.

– Ничего страшного. Гипноз выявит больше.

– Гипноз?

– Возможно, вы слышали о месмеризме.

Я сажусь на кровати.

– Месмеризм? Как в мюзик-холлах?¹ – Он хочет сделать из меня идиотку, посмешище. – Вы хотите посмеяться надо мной? Нет.

Он поднимает руку.

– Никто не будет смеяться. На протяжении всего сеанса вы будете находиться в состоянии покоя и только мысленно вернетесь в прошлое. – Он улыбается. – Гипноз позволит нам пробудить ваше подсознание и добраться до давно забытых воспоминаний. – Он смотрит в сторону, закрывая свой блокнот. – Я освобожу ваше прошлое.

– Но что, если я не хочу выпускать его на свободу?

– Вам нечего бояться. – У него открытый, честный и теплый взгляд. Глупо это, наверное, доверять красивым глазам.

¹ Имеется в виду медицинская система XVIII века, сводившаяся к тому, что причины болезней кроются в нарушении магнитного равновесия в организме. Учение венского врача Франца Месмера дало начало теории гипноза, однако позже выродилось в спиритизм, оккультизм и, по сути, лженауку. В Великобритании рубежа XIX–XX веков месмеризм и вовсе превратился в увеселительный номер: в мюзик-холлах им развлекали публику наравне с электрическими экспериментами, фокусами и чревоуещанием. Например, вызывали добровольца из зала, погружали в состояние гипноза и заставляли потешать зрителей какими-нибудь трюками (здесь и далее прим. переводчика).

В конце концов, однажды они меня уже предали.

– Во Франции врачам удалось добиться великолепных результатов благодаря гипнозу при лечении истерии, – сообщает он. – Думаю, он поможет и нам в случае с вашей болезнью.

– Моей болезнью?

– Травматическая амнезия. – Он наклоняется ко мне, луч света в виде ромбика падает на его лоб, словно бриллиант, словно третий глаз открывается прямо в центре. – Иногда после катастрофы... – Его голос смягчается. – После пугающего или какого-то печального события... – Он думает, что мне надо пояснить значение слова «катастрофа». – ...Наш разум выбирает забвение. И прячет все связанные с ним воспоминания как можно дальше. Таким образом мы защищаем себя, это наша стратегия выживания. Но жить в состоянии постоянного страха никому не захочется, правда?

Не хочу говорить ему, что мне страшно и всегда было страшно, сколько я себя помню.

– Я всегда была больна, – говорю я ему вместо этого.

– Нет. – От его улыбки мне хочется плакать. – Нет, не всегда. Когда-то вы чувствовали себя хорошо.

Значит, было время до безумия, и этот доктор Диамант хочет вернуть меня в него.

Не уверена, что это хорошая идея. Совсем не уверена.

Тетрадь остается у меня. Поверить не могу. Все остальное принадлежит лечебнице – даже одежда на моих плечах, но карандаш и тетрадь – мои. Я раскрываю ее и пролистываю.

ваю страницы. Она пахнет свежестью и новизной, страницы не пропитаны вонью лечебницы. Я оглядываюсь в поисках безопасного места, чтобы спрятать ее. В этой комнате много таких укромных мест. За столом есть как раз подходящего размера выемка между половицами и стеной. Цветочная тетрадь идеально туда помещается.

Подбородок приносит мои лекарства после ужина. Это половина того, что я принимаю обычно.

– Глаз с тебя не спущу. – Ее лицо приближается к моему. – Только попробуй выкинуть что-нибудь, и доктор Уомак с тобой разберется.

Я смотрю ей в глаза, пока она не отводит взгляд.

А когда гасят свет, сворачиваюсь в кровати и думаю об отце. Он был учителем, я сказала. Откуда такая уверенность? У меня нет воспоминаний ни о каком учителе, ни даже об отце. Ни картинки, ни лица, тела, голоса или запаха. В моей голове даже нет той пустоты, которую должен занимать отец. У него такие же темные волосы, как и у меня? У меня его глаза, его нос? Может быть, у него такие же усы, как у Уомака, или морщинки вокруг глаз, как у Диаманта. Как так вышло, что я полностью забыла собственного отца? И наверняка он тоже забыл обо мне, иначе он точно пришел бы и забрал меня отсюда. Он бы пришел и забрал меня домой.

Я погружаюсь в сон, продолжая мысленно искать этого человека, который, возможно, любил меня, заботился обо мне, но не нахожу его. В моих мыслях осталось место только для

болота. Все как обычно.

Глава 3

Прошла неделя после встречи с новым доктором. Я все еще жду, что начну чувствовать себя иначе, голова прояснится, как после сна, но усталость никуда не уходит и в голове стоит слабое жужжание. Возможно, это мухи роятся над разлагающейся плотью, кишасцей личинками. Плотью труппа, который вытащили из болота.

Как же истрепались локти и манжеты моего платья, да еще и испачкались. Я оттягиваю рукав и проталкиваю в него карандаш. Он прохладный и твердый, и его острый грифель царапает кожу при движении. Его присутствие успокаивает, я чувствую себя под защитой.

Кто-то со смехом бегаёт вверх и вниз по лестнице. Казалось бы, санитары должны остановить эту женщину, но нет. Наверное, все они оглохли. Если бы моя дверь не была заперта, я бы положила конец этому бреду.

– Заткнись! – кричу я наконец. Конечно, за всем этим грохотом она меня не слышит.

И кто-то принимается бить в церковный колокол. Этот зловеший «бом-бом-бом». Только его не хватало. Мне и так сложно думать, а тут еще и этот нестихающий звон. Я жду, когда он смолкнет – безуспешно. Звон продолжается все утро.

Может, кому-то удалось сбежать. Повезло же. О, как это-

му человеку повезло! Как бы мне хотелось сейчас бежать по хрустящему насту, на свежем воздухе, спастись бегством отсюда – и бежать, бежать. Как бы мне хотелось оказаться этим беглецом.

Санитарка со сморщенным, как сушеная слива, лицом приносит мне обед – миску чего-то зеленого, ломоть хлеба и чашку воды. Миска и чашка сделаны из олова. Нам не полагается ничего с острыми краями или легко бьющегося. Она ставит их на стол возле двери. Стол шатается. Вода выплескивается через край и оставляет пятно. Она делает вид, что ничего не замечает, и уходит, закрывая за собой дверь.

Стол всегда шатается, когда на него что-нибудь ставят, потому что одна ножка короче остальных. Наверное, ее обглодали мыши или крысы, а может – сумасшедшие.

Я подхожу к двери и проверяю, заперта ли она, но ключ тут же поворачивается в замке. Что ж, сегодня сбежать не удастся. Пожалуй, так даже лучше. Все равно далеко бы я не ушла с такой кашей в голове. Я заглядываю в миску. Зеленой жижей оказывается сельдерей – в вязком вареве плавают тушеные и жилистые стебли и листья.

Мою комнату пеленой заволакивает темнота. По шее пробегают леденящий холодок. Так пахнет болото. Оно пахнет им – вонью и гнилью.

Кто-то дышит, дышит прямо за моей спиной. Это неровное дыхание принадлежит не мне. Меня бьет дрожь, я чувствую, как по коже бегут мурашки и

поднимаются волосы.

Пол под ногами превращается в грязь, траву и зловонную воду.

Я снова на болоте, бегу в темноте. Мои туфли оскальзываются и едут в грязи и мокрых листьях. Он близко. Его шаги шлепают по воде прямо за моей спиной – уже так близко.

Он хватается меня за волосы. Я вытягиваю руки, но ухватиться не за что, ничто меня не спасет. Я падаю на спину. Голову заполняет боль, резкая и жгучая.

Перед глазами плывут деревья, кочки и канавы. Он тащит меня за волосы, выдирая их из скальпа. Мои крики беззвучны, их поглощает болото.

Есть только он, его тяжелое дыхание и ярость.

Миска выскальзывает из рук, падает и ударяется об пол. Я смотрю на этот беспорядок и вздрагиваю. Куда делось болото? Водоросли? Я все еще чувствую запах грязи и стоячей воды.

Нет-нет, это запах похлебки. Она повсюду: стена, пол, ножки стола – все в зеленых пятнах. Вокруг валяются кусочки лука, сельдерея и картофеля. Я собираю слизь дрожащими руками в миску, затем ставлю ее обратно на стол, вытираю руки о края емкости. Может, никто и не заметит? Почти все уже утекло под половицы. Запах варева теперь повсюду, но в моей комнате всегда пахнет. Не думаю, что зрители заметят разницу.

Я съедаю ломоть хлеба.

За стеной начинают шуметь больные. До меня доносится шарканье их шагов. Та одержимая все еще смеется, топая вверх и вниз по лестнице, а теперь еще и колокол. Бом-бом-бом.

– Можете попросить их перестать звонить в колокол? – спрашиваю я у Подбородка и Сливы, когда они заходят ко мне после обеда.

Подбородки хмурятся.

– Какой колокол?

– Как это «какой»? Вы оглохли?

– Конечно, мы передадим. – Слива сжимает мой локоть. – Тебя ждет доктор.

– Нет, я не готова. – Мне очень хочется выйти из комнаты, но я опасаясь нового доктора и его добрых глаз. А вдруг гипноз действительно откроет мне правду и я узнаю, что за яд кроется в недрах моего безумия?

Но женщины говорят между собой и, наверное, не слышат меня.

– Так он остановился на этом новом лечении? – спрашивает Слива, когда они выводят меня в коридор.

Подбородок ворчит:

– Начальству это ох как не по душе, чего уж там.

– Ну это же все чепуха? – Слива бросает на меня взгляд и снова отводит его. – Весь этот гипноз, а?

– Вы говорите о докторе Диаманте? – спрашиваю я.

Подбородок поворачивается ко мне. Ее горячее дыхание

обжигает шею.

– Диммонд. Его зовут доктор Диммонд, – медленно проговаривает она каждый слог. – Диммонд.

– Да оставь ее, – говорит Слива.

Подбородок отворачивается.

Меня не волнует, что на самом деле его зовут Диммонд. Я буду называть его Диамантом из-за третьего глаза во лбу, наверняка это знак. К тому же диамант – это бриллиант, что-то чистое, светлое и незапятнанное. Надеюсь, что он именно такой.

Санитарки ведут меня на первый этаж, но мы сворачиваем влево, а не вправо, и движемся дальше по коридору, куда больных не пускают.

– И почему выбрали эту из всех них? – спрашивает Подбородок, и я ловлю себя на том же вопросе. Действительно, почему Диамант выбрал меня? А не кого-нибудь из других, действительно сумасшедших пациентов, как та с маниакальным смехом, или которые считают, что их жгут живьем или что они дружат с королем. Почему он не выбрал кого-то из них?

– Он берет у которых память отшибло, – отвечает Слива. – Так говорят.

Я рада, что его выбор пал на меня, рада хоть ненадолго выйти из своей тюремной камеры, но во всех этих развлечениях с гипнозом участвовать точно не собираюсь. Уж без этого я точно обойдусь, и так проблем хватает.

Мы останавливаемся перед дверью, на которой золотыми буквами выведено имя Диаманта – краска совсем свежая и блестящая.

– А, Мод! – восклицает он. – Наконец-то. – Меня так давно не называли моим настоящим именем. – Входите.

Я и забыла, как он выглядит. У него карие, а не голубые глаза, и он старше, чем мне показалось сначала, это взрослый мужчина. Возможно, он кажется моложе из-за отсутствия усов.

Слива уходит, но Двойной Подбородок усаживается на стул возле стены и кладет руки на колени. Видимо, остается, чтобы защищать от меня Диаманта.

У него уютно. В камине горит огонь и угли переливаются красно-оранжевым светом. На окне стоит решетка, как и в моей комнате, но оно гораздо больше и выходит в сад, на прекрасные деревья и часовню. Как бы мне хотелось иметь такую комнату, такое окно, такой вид.

На полках и в шкафах расставлены всякие диковинки – в основном бессчетные бутылочки странных форм.

Он указывает в тот угол, где на стене висит потрепанная бежевая занавеска. Перед ней – стул и камера на высоких ножках.

– Я сфотографирую вас. – Он подводит меня к аппарату. – Смотрите прямо сюда, – говорит он и исчезает под черной накидкой. Лампочка вспыхивает, и камера взрывается. От неожиданности я подпрыгиваю, хотя и пыталась подгото-

виться к этому моменту.

Мое сердце колотится, когда из-под накидки появляется взъерошенный Диамант.

После снимка я пересаживаюсь на стул через стол от него. Это хороший стул, с изогнутой спинкой и подлокотниками. Я провожу руками по гладкому дереву, отполированному за годы использования.

На шкафчике стоит поднос с чаем. Чайник расписан желтыми розами, как раз под стать фарфоровым чашкам, блюдцам и серебристым ложечкам.

Диамант разливает чай. В каждую чашку он кладет по два кусочка сахара, размешивает и протягивает одну чашку с блюдцем мне, а другую – Подбородку.

Ее глаза округляются так, будто она никогда в жизни чашки чая не видела.

– Спасибо, доктор.

Уже то, что я сижу здесь, в моих руках чашка чая с блюдцем из просвечивающего фарфора, пробуждает воспоминания о ком-то или о чем-то. О той «мне» из прошлого, которая пила чай из чашки с блюдцем, как любой другой обычный здоровый человек. Об иной мне. Об иной жизни, задолго до произошедшего, о той жизни, которую я не могу вспомнить.

Я выпиваю все до последней капли. Не помню, когда в последний раз пила чай – несколько месяцев назад, а может, и лет. Теперь мне дают только воду или едва теплое молоко.

Наверное, наказывают.

Диамант смотрит на меня через стол.

– На этой фотографии – вы до лечения гипнозом. Когда мы закончим курс, сделаем еще один снимок, чтобы увидеть разницу. – Кажется, он слишком уверен, что вообще какая-то разница будет. – Я подумал, – продолжает он, – ничто не мешает...

Подбородок сдвинулась на краешек стула. Но ведь это так неудобно сидеть на самом краю деревянного стула. Я тоже сдвигаюсь, чтобы понять, каково ей. Нет, определенно неудобно. Сдвигаюсь обратно.

Все это время Диамант что-то говорил, а я прослушала.

– Вы бы этого хотели? – спрашивает он.

– Чего бы хотела?

Подбородок цокает.

– Общаться с остальными и может даже завести друзей. Друзей? Здесь?

Диамант записывает что-то в своих бумагах и поднимает взгляд.

– Мод, вы сами попросили, чтобы вас отселили от других пациентов?

Пока я обдумываю ответ, Подбородок заводит свою старую песню.

– А так эта у нас склонна к насилию. На доктора Уомака вот напала, – самодовольно кивает она всеми своими подбородками.

Брови Диаманта ползут вверх.

– А на других пациентов она когда-нибудь нападала?

Подбородок хмурится.

– Нет, но...

– Так почему же ее не выпускают в общий двор?

– Она частный пациент. – Подбородок украдкой бросает на меня лукавый взгляд. – Было сказано, что ей полагается отдельная комната.

– Вот как? – Диамант снова хмурится, пролистывая мои записи. – И кто же за это платит? Семья Мод?

– Ее наниматель. – Она шмыгает носом. – Как по мне, так это он шибко расщедрился. Девчонке очень повезло.

О да, как же мне повезло. Бьюсь об заклад, ей бы понравилось оказаться здесь под замком, не дышать свежим воздухом, не чувствовать ни дуновения ветра на лице, ни шороха травы под ногами, ни прикосновения дождевых капель. О благословенный дождь!

Диамант продолжает хмуриться.

– И за все это время ни посетителей, ни писем?

Подбородок отрицательно трясет головой.

– Нет, – вздыхает она. – Не у таковских, как эта.

– Вы знаете имя ее нанимателя? – спрашивает Диамант будто бы невзначай, но его ручка уже занесена над блокнотом.

Подбородок скрещивает руки на груди.

– А вы лучше спросите доктора Уомака. Это он привез ее

сюда.

– Ах вот как! – восклицает Диамант.

Глава 4

Мои сеансы гипноза проходят по вторникам, если только не «вмешиваются непредвиденные обстоятельства». Может, они и правда избавят меня от кошмаров, изгонят из моей памяти того человека с болота. Правда, я в этом сомневаюсь.

С каждым днем я чувствую себя все менее вялой. Тошнота тоже отступает, и именно поэтому комната теперь еще больше напоминает мне тюремную камеру. Будь я свободна, как бы я радовалась этому просветлению, но здесь оно делает мою жизнь невыносимой. Раньше мне давали нужную дозу лекарств, чтобы поддерживать тошнотворно-сонное состояние, чтобы я оставалась слишком уставшей и не могла причинить им неприятностей, чтобы мной было легко управлять. Когда постоянно чувствуешь, что тебя вот-вот вырвет, стараешься двигаться как можно меньше, чтобы удержать в себе завтрак, обед, ужин. Но как ни странно, это облегчало мою жизнь в этом месте, делало заключение более сносным.

Вот если бы моя комната напоминала кабинет Диаманта! Как же чудесно должно быть иметь все эти шкафчики и вещицы, сокровища, которые можно созерцать и перебирать, – вместо голых стен и пустоты в руках. Ничего, ничего, кроме пустоты.

Кто-то бьет в колокол – бом-бом-бом, и часы не смолкают, вечно тикают. Я шагаю по комнате им в такт, мои шаги

отмеряют ритм. Тик-так. Тик-так, и так день за днем.

Кто-то принимается петь пронзительно-дрожащим голосом. Это не у больных, а с другой стороны.

– Птичка-певунья в золотой клетке², – заливается она. – Услада – глядеть на нее. Почудиться может, счастливо живет... ла-ла-ла...

Это пианино? Я стараюсь не дышать. Да, пианино, и кто-то играет на нем из рук вон плохо. То есть у нее в комнате есть пианино?

– Ла-ла-ла-ла-ла... – Певица делает глубокий вдох перед тем, как выдать очередную трель.

– Замолчи! – кричу я. Должно быть, ее тоже перевели в отдельную комнату, как и меня. В отдельную комнату с пианино.

– Ее красота ушла с молотка, – дребезжит она, – за золотом набитый кошель...

До высокой ноты ей точно не дотянуться.

– Замолчи! – Я стучу ей в стену. – Ты даже слов не знаешь!

– Птичка-певунья в золотой клетке...

– Хватит! – Продолжаю молотить кулаками по стене, но пение продолжается как ни в чем не бывало. Чтобы хоть немного ее заглушить, начинаю петь «Апельсины и лимо-

² Сентиментальная баллада *A Bird in a Gilded Cage*, сочиненная Артуром Дж. Лэмбом и Гарри фон Тизлером, одна из самых популярных британских песен 1900-х годов.

ны»³. Я стараюсь петь как можно громче и на последних строках уже перехожу на крик.

– Со свечкой в кровать я тебя провожу. Острым мечом я должок твой взыщу...

Какое-то время тишину не нарушает ничто, а потом начинаются рыдания. Да она окончательно спятила...

– На что ты кричишь?

За моей спиной стоит Слива. Она уже закрыла за собой дверь, а я и не услышала. Мои руки дрожат при мысли о том, как долго она могла здесь стоять.

– Больная из соседней палаты все не унимается и поет, – отвечаю я.

– Из соседней палаты?

– В той комнате. – Я указываю на стену. – Там.

Она пристально смотрит в стену и хмурится.

– Ну так там только чулан с метелками.

– Значит, она в том чулане, да?

Слива кивает с полулыбкой и напевает «Апельсины и лимоны».

– Мы часто пели ее, когда я была малышкой. – Она кладет на стол чашку и печенье. – «Сент-Мартин все звонит: свой фартинг мне неси!»

³ *Oranges and Lemons* – детский стишок, широко известный в Британии, первые печатные экземпляры относятся к 1744 году. В нем перечисляются колокола старинных церквей вблизи лондонского Сити, звон каждой напоминает о денежном долге, который в итоге кредитор взыскивает собственным мечом с головы должника.

Это всего лишь завтрак. Нет никакого повода для такой дрожи, совершенно никакого.

Уходит она, лишь добравшись до строки «Теперь звонит Степни-и-и». На этот раз она точно вышла – слышно, как ее пение разносится на весь коридор.

Я прижимаюсь ухом к стене. Это та больная так громко дышит? Кто-то дышит. Может, она сейчас точно так же прижимает ухо к стене, как и я? При этой мысли я отскакиваю от стены, только подумать, что ее ухо так близко от моего!

– Я знаю, что ты в чулане для метел! – кричу я. – Они знают, где ты прячешься!

Она снова ударяется в слезы, рыдает так, будто ей сердце разбили, и нет конца ее слезам. Ненавижу эти рыдания. Ненавижу.

Подбородок застает меня врасплох, когда я снова разглядываю рощу вдалеке.

– У тебя сейчас сеанс гипноза, – говорит она. Наверное, мои глаза округляются, потому что она добавляет: – Сегодня четверг.

Я сажусь на тот же стул с изогнутыми подлокотниками. Подбородок устроилась за моей спиной. Ей ничего не стоит сомкнуть руки вокруг моей шеи и задушить меня. Готова поспорить, она думает об этом. Буквально чувствую, как эти мысли волнами поднимаются в ней.

Диамант указывает ей на стул возле стены.

– Прошу вас, садитесь.

Может, он тоже угадывает ее мысли, как и я. Мы с Диамантом настроены одинаково. Мы оба понимаем такие вещи.

Диамант делает какую-то запись в бумагах, переворачивает страницу.

– Предлагаю сегодня ограничиться небольшим сеансом гипноза.

От одной мысли об этом меня бьет дрожь. Что бы ни произошло тогда, оно было достаточно ужасным, чтобы уничтожить мой разум. Наверное, я совершила что-то настолько порочное, что потеряла рассудок.

– Расслабьтесь, Мод.

Пальцы сжимают юбки, трутся о грубую шерсть. Он не может увидеть, что происходит в моей голове. Никто не может, даже я. Сердце не должно колотиться с такой силой, чтобы в ушах стучала кровь.

– Все пройдет очень быстро и легко, – продолжает он. – Вы будете чувствовать себя самой собой.

От страха к горлу подкатывает тошнота. А если я вспомню? Вдруг я правда вспомню?

Доктор поддвигает себе стул и садится передо мной.

– Если вам удобно, можете не вставать.

Конечно же мне неудобно, особенно когда любопытные глаза доктора пытается заглянуть в мой разум, в его самые потайные уголки.

– Когда вы вернетесь в прошлое, вы расскажете мне, что увидите и какие чувства у вас это вызывает.

Я ничего ему не расскажу. Пожалуйста, пусть я ничего не вспомню. Пусть мои погребенные и забытые секреты покоятся там, где им место.

Краем глаза я вижу медсестру – она стоит спиной к нам и бросает что-то в ведро.

Диамант достает серебряное кольцо из кармана жилета и надевает его на кончик указательного пальца.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на сестру, но там никого нет. Наверное, это все тени от ветвей деревьев, что колеблются снаружи. Диамант наверняка заметил бы медсестру, швыряющую в ведро окровавленные инструменты, расплескивая воду на пол.

– После сеанса вы проснетесь освеженной и спокойной, – говорит он, качая пальцем перед моим лицом наподобие метронома. Кольцо переливается, блестит. – Смотрите на кольцо.

Медсестра снова здесь, но теперь я знаю, что она не может быть настоящей. На полу вода, окровавленная вода – тоже не настоящая.

– Мод. – Диамант щелкает пальцами. – Сосредоточьтесь на кольце, пожалуйста.

Окровавленная вода почти исчезла, впиталась в половицы. Будто ее и не было.

– Кольцо, – напоминает Диамант. Оно движется вперед и назад. Вперед – назад, блестит на свету. Это падающая звезда, бриллиант.

– Кроме него, нет ничего больше, в целом мире, – говорит он. – Только кольцо. – Туда – сюда, снова и снова. Я стараюсь оторвать от него взгляд, но не могу. Спокойный голос отчетливо слышен, и я все еще в сознании. Гипноз не сработал. От облегчения мне хочется рассмеяться, но не получается выдавить ни звука, и глаза все еще неотрывно следят за этой звездой – влево, вправо, влево, вправо – будто связанные с ней невидимой нитью.

– Когда я начну отсчет, вы почувствуете, как веки тяжелеют, вам захочется закрыть глаза.

Я не закрою. Я не закрою их.

– Когда я досчитаю до десяти, вы полностью расслабитесь.

Один.

Глаза тяжелеют, но я держу их открытыми.

– Два.

Глазам больно. Я так устала, что...

– Три.

Блаженное облегчение приходит, как только веки смыкаются.

– Расскажите мне о своем детстве, – просит он. – Вы были счастливы тогда?

Мои губы шевелятся сами собой.

– Какое-то время да.

– Возвращайтесь в это время... Видите свое безопасное место?

– Нет, – отвечаю я, потому что ночью на болоте небезопас-

но. И он там, этот человек, вот он восстает из илистых вод, усмехаясь, скаля свои черные зубы.

– Расскажите мне, что вы видите, – настаивает Диамант.

– Ничего.

– Подумайте о своем детстве, своей семье.

И я соскальзываю дальше, но не в темноту, не в страх, а туда, где светло и солнечно. Кто-то держит меня за руку, кто-то очень высокий. Я чувствую прикосновение его теплой и грубой кожи, и я счастлива. Я в безопасности.

Трава щекочет мои руки. Этот высокий человек, которого я люблю, несет в ладони сиренево-голубой цветок.

– Короставник полевой. – Протягивает он мне.

Я глажу его, чувствую мягкость лепестков.

– Короставник.

– А этот... – он указывает на масляно-желтый цветок внизу, – называется птичий трилистник. У него три листочка, видишь?

Я вижу. Вижу листья, и цветы, и пестрый калейдоскоп бабочек, поднимающийся к самому небу, – красный и оранжевый, синий и белый, и небо, такое синее-синее.

– Ты – копия своей матери. – Отец смотрит на меня. – Она была умна, умна, как любой мужчина, но мир не был готов принять ее. У тебя все будет иначе. Ты будешь учиться, поступишь в университет. Хотел бы я, чтобы у твоих братьев были твои способности.

А вот и они – три мальчишки несутся по полю

наперегонки с криками и смехом.

– Безнадежны, – произносит отец, но не скрывает улыбки. Да и как ему не улыбаться, глядя на этих крепких мальчуганов, полных радости и жизни?

Из мира уходит тепло, он блекнет и теряет краски – и вот мои братья и отец исчезли. Я оглядываюсь по сторонам.

– Папочка, где ты? Куда ты ушел?

Я стою посреди узкой дорожки. Холодный ветер забирается под пальто, обжигает уши. Рядом поет птица – это малиновка, ее песня льется из самого сердца, а колокольный звон все твердит о беде. На одной и той же мрачной ноте звук разносится медленно и глубоко, снова и снова.

– Мне здесь не нравится. – Мой голос кажется таким слабым и отдаленным, что я перехожу на крик. – Мне *не нравится* здесь!

Безграничный ужас наполняет сердце. Я должна обернуться, должна взглянуть ему в лицо, но не могу. Нет, я не могу.

– Возвращайтесь, Мод. Возвращайтесь.

Передо мной вырисовывается лицо Диаманта, в его карих глазах – тревога. Несколько секунд мне кажется, что он стоит на узкой дорожке со мной, но мы уже не там. Мы снова в комнате с камином и большим окном. И Подбородком.

Диамант склонился надо мной:

– Что вас напугало?

Он слишком близко. Я выпрямляюсь, голова кружится.

– Ничего.

Подбородок усмехается:

– Я вызываю доктора Уомака, да?

– Нет-нет. – Диамант взволнован. – Это вполне ожидаемый эффект. Пациентка в порядке.

Подбородок хмурится, но держит язык за зубами. Диамант возвращается на стул и открывает свой блокнот.

– Сначала вы казались счастливой. – Он не сводит с меня пронизательного, изучающего взгляда. – Но что-то нарушило это счастье. Можете вспомнить, что именно?

– Нет.

Он выпрямляется, руки сжаты в молитвенном жесте. Надеюсь, он молится не за меня, ведь Бог давно оставил меня.

– Вы звали своего отца.

Внутри у меня все сжимается.

– Вы звали его, Мод. Что случилось?

О, эта жалость во взгляде! Вот бы укрыться от нее. Смотрю в пол, на окно, на огонь.

– Ничего, – отвечаю я, уставившись в потолок, и не свожу с него взгляда, пока в глазах не перестает щипать.

Что со мной происходит? Я ведь пережила сеанс гипноза, в конце концов! Там не было кошмара, человека с болота, ужаса. Там было солнце и счастье, но эта малиновка холодным днем... Откуда же эта тоска?

Глава 5

Диамант настаивает на том, чтобы я общалась с другими пациентами. Он говорит, что это «облегчит мое восстановление». Слива и Подбородок этого не одобряют, судя по их беспокойным лицам, но они все равно ведут меня в длинную комнату, которую называют галереей. С одной ее стороны тянутся высокие окна (зарешеченные, само собой), а стена с другой – увешана картинами с гуляющими женщинами. Светильники обрамлены искусственными цветами. Выглядит даже симпатичнее, чем я ожидала, будто нас пытаются обманом убедить, что мы в какой-то гостинице, а не в сумасшедшем доме. И все же довольно мило.

Все мы одеты в одинаковые платья – серые, из грубой шерсти, и у каждой на спине вышиты три одинаковых слова: «Психиатрическая лечебница Аджелтон».

За столом с грудями книг сидит капеллан. Это невысокий человек, кожа да кости. Очки сползают на нос. Он поправляет их. Они сползают снова. Он поправляет их. От скуки его землистая кожа обвисла. Время от времени он подавляет зевок. Он слегка подпрыгивает, когда я появляюсь перед ним. На некоторых людей мое появление производит такой эффект.

– У вас есть «Большие надежды»? – Я знаю, что книга у него есть – вот она, под его правым локтем.

– Эм... думаю... э-э... – Его темные глаза бегают туда-сюда.

Я указываю на книгу.

– Вот.

Он берет книгу, поглаживает обложку.

– Дело ведь вот в чем... – Он поднимает на меня осторожный взгляд и моргает. – Книга ведь это большая, сложная по языку и всему такому. Может быть, что-нибудь попроще? – Его рука замирает над стопкой иллюстрированных книжек, обложки которых изображают библейские рассказы или детских персонажей. – Как насчет чего-нибудь из этого?

Он берет худшую из всех – с яркой обложки глупо улыбается девочка с зонтиком в руках.

Я поглаживаю спрятанный в рукаве карандаш.

– Лучше все-таки «Большие надежды», пожалуйста.

Дай ее мне уже, думаю я про себя. Дай, а то хуже будет.

Наверное, он замечает что-то в моем взгляде, потому что он неохотно протягивает мне книгу, не выпуская ее из рук даже в тот момент, когда я уже собираюсь взять ее.

Я сажусь спиной к стене, чтобы не спускать глаз с больных. Тогда ко мне никто не подкрадется незамеченным, так что можно расслабиться. Здесь дюжина женщин или даже больше, но никто из них не беспокоит священника, ни у одной нет книги. Возможно, они просто не умеют читать или им уже дали лекарство – после него никто не может читать, даже я.

Женщина напротив смотрит на меня немигающим взглядом. Струйка слюны собирается в уголке рта и наливается блестящей каплей на подбородке. Она растет и капает, повисая на серебристой нити. Похоже, она и думать забыла о книге на коленях. Никто не захочет читать книгу, залитую чужими слюнями, я уж точно не захочу. Моя книга в идеальном состоянии, словно до меня ее никто и не открывал. «Большие надежды» – моя любимая книга. Я читала ее уже так много раз. Сейчас я на странице, где Пип и Джо говорят об огне.

«А вот и лошадка, – сказал Джо. – Слышишь, звон-то какой стоит, будто в колокола бьют».

И снова раздается колокол приюта. Дон-дон-дон-дон. Этот скорбный звон. Если бы он только смолк, я бы снова смогла слышать собственные мысли.

Я смотрю на страницу и жду, когда можно будет уйти.
Тик-так. Тик-так.

Кровь капает на страницу, прямо на слово «колокольчик». Это моя кровь. Наверное, ногти впились в ладони слишком сильно. Я вытираю каплю рукавом, но она размазывается по словам «довольно» и «музыкально». Еще одна капля падает на «болота» и третья – на «замерз». Чувствую, как на лбу проступает пот. Сердце пропускает удар. Я задерживаю дыхание и поднимаю взгляд. Священник не смотрит на меня, он раскладывает книги. Я стараюсь дышать, переворачиваю страницы дрожащими руками и сжимаю ладони до боли. Все

сизу и сизу, молясь, чтобы это закончилось.

Через какое-то время расцепляю руки – на каждой ладони по четыре розовых полумесяца. Кровь больше не капает. Я закрываю книгу и складываю руки на обложке.

Капеллан проверит книгу, когда я буду возвращать ее? А если он увидит эти пятна, эти кровавые разводы? Сердце сжимается при одной мысли.

Уомак уже пришел и слоняется под дверью. Он смотрит на свои карманные часы и хмурится. К нему подлетает санитарка и говорит что-то. Какая же у этой дурехи идиотская улыбка. Все санитарки обожают его, да и большинство пациенток тоже. С ума по нему сходят. Их глаза неотрывно следуют за ним, пока он вышагивает по коридору. Впрочем, мужчины здесь редкость, ничего удивительного в том, что конкурентов у него практически нет.

Наверное, его внешность может показаться красивой: безукоризненные усы, темные волосы, странно бледные глаза. Терпеть его не могу. Не прощу ему то обливание. На пятнадцать минут он запер меня в деревянной коробке, с потолка которой на меня обрушивалась ледяная вода. Пятнадцать минут показались мне пятнадцатью годами, а потом в меня влили какую-то светлую жидкость, чтобы меня вырвало. Казалось, я вот-вот умру, да я и действительно была в шаге от смерти.

Дверь распаивается.

– Доктор Диммонд! – вскрикивает Уомак, направляясь к

нему и протягивая руку. – Как приятно снова увидиться с вами.

Уомак хлопает Диаманта по плечу, как старого друга, они и правда кажутся друзьями. Они обходят всю комнату, Уомак указывает на каждого пациента по очереди, и Диамант слегка наклоняется к каждому, чтобы обменяться парой слов.

Уомак потирает руки.

– Мы отлично сработаемся, старина! У меня нет никаких сомнений.

Наконец блестящие коричневые ботинки Уомака приближаются ко мне.

– А здесь одна из наших самых тяжелых пациенток.

– Мы уже встречались, – улыбается Диамант. – Как вы себя чувствуете сегодня, Мод?

– Я...

Едва я успеваю открыть рот.

– А! – Уомак подхватывает Диаманта под руку и понижает голос. – У Мэри бывают бредовые идеи. – Неужели он думает, что я их не слышу? Он ведь в шаге от меня. – У нее много имен.

Много имен? Мне в голову не приходит никаких других имен, кроме моего собственного и того, что дали мне здесь.

– Можно даже сказать, что имя ей – легион, – продолжает Уомак.

– Понятно. – Уголки рта Диаманта опускаются. Он пове-

рил Уомаку – и правда, с какой стати ему не верить коллеге? Я и сама не знаю, говорю ли правду.

– Сегодня ее зовут Пэйшенс. – Пожимает плечами Уомак. – Завтра – Глэдис...

Глэдис? Ну нет. Как бы плохи ни были у меня дела с головой, именем Глэдис я точно не могла назваться.

– Она не может отличить реальность от вымысла, – рассказывает Уомак, – так что пользы вам от нее, боюсь, никакой. Любое воспоминание будет вымыслом, фантазией.

– Ах вот как! – произносит Диамант.

Легким шагом Уомак переходит к следующему пациенту. Где-то под его обвисшими усами прячется довольная усмешка – я не вижу ее, но знаю, что она там. Почему-то мне кажется, что я проиграла битву, о приближении которой даже не догадывалась.

– Меня никогда не звали Глэдис, – едва слышно произношу я.

Диамант оборачивается и улыбается мне.

– Я так и думал.

Они уходят, продолжая разговор. Мне и не хотелось этих сеансов гипноза. Нет у меня никакого желания вспоминать прошлое, совершенно никакого. Не узнают они никаких секретов у меня.

Раздается звонок к ужину. Я закрываю книгу и, затаив дыхание, возвращаю книгу священнику.

Он берет ее, опускает в коробку с остальными непрочи-

танными книгами и закрывает ее.

Теперь можно выдохнуть. Ноги подгибаются и едва держат меня, когда я иду на ужин.

Я давно не была в столовой. Все, наверное, подумают, что мне лучше. Хорошо, что они не могут заглянуть в мою голову и увидеть весь этот ил, и сажу, и битое стекло, и тени, скрывающие бог знает что.

На ужин – вареное мясо и картофель. Возможно, это баранина. Этот запах мокрой шерсти, подола платья, перепачканного болотной грязью и водорослями, ни с чем не спутаешь.

Эти платья пропитаны болотной водой. Из-за нее юбки такие тяжелые, что липнут к ногам, тяжелеют, тянут вниз. И помощи ждать неоткуда. Приходится спасать себя самостоятельно.

– Она плачет. – Седая старуха напротив меня встает из-за стола и вытягивает руку. – Стол весь мокрый! – кричит она. – Смотрите. Она все испортит!

Никто не обращает на нее внимания. Я смотрю, как ее лицо бледнеет, и она уходит прочь, то и дело оглядываясь. Когда она оказывается в другом конце зала, я отвожу взгляд. Тогда я выискиваю тех, кто продолжает глазеть на меня. Один за другим они отворачиваются.

Глава 6

Я стою на цыпочках у окна. Сегодня не стоит выглядывать рощу вдалеке. Нет, я буду смотреть правее, где река прячется в зарослях тростника. Иногда солнечные лучи так падают на воду, что она вспыхивает, будто миллионы звезд рассыпаются узкой изогнутой лентой, пересекающей пейзаж.

Я была там лишь однажды, давно, еще когда мне разрешали гулять. Стоял пасмурный день, и река казалась серой и угрюмой, она не торопясь катила свои воды, не расплескивая ни капли волшебства, которым наделены одни реки. Глубокая, холодная и чистая вода змеилась, сонно прокладывая себе путь к морю. Как бы мне хотелось еще раз ощутить пальцами ее ледяное прикосновение, почувствовать, как от холода немеют стопы и ползущая по голеням боль медленно сковывает ноги.

Диамант больше не будет мной заниматься, теперь у него много других пациентов – более послушных, доверчивых, честных. Тех, кто с радостью выплеснет на него все секреты в обмен на тепло камина и чай в фарфоровой чашке, и ни одной Глэдис среди них нет.

– Меня тошнит от этой комнатенки, – говорю я Подбородку, когда она приходит в следующий четверг. – Мне нужен глоток воздуха, или я зачахну, как цветок без солнца.

– Ишь ты, лучше б спасибо сказала! – ворчит она. – Вот в

наше время тебя бы приковали к кровати.

– Приковали? Цепями к кровати? – У меня перехватывает дыхание.

Она кивает.

– Видала я картинки, рисунки и все такое. – Она подходит так близко, что я чувствую на себе ее дыхание. Оно пахнет капустой и луком. – Заматывали толстыми цепями, так-то, – говорит она, выпучивая глаза. – А бывало, и в ошейники заковывали. Прямо на шею вешали, да. Представила, каково оно?

Я стараюсь не представлять все это.

– Ну как, рада небось, что спятила сейчас, а не тогда, а?

Она кивает.

Я чувствую их. Тяжелые железные цепи, холодные и крепкие. Кандалы, впивающиеся в запястья, щиколотки и шею, такие узкие, что не вздохнуть, и ржавый запах металла.

Хватаюсь за шею, но на ней ничего нет, моя рука нащупывает только теплую кожу, кости под ней, мускулы и артерии.

Подбородок хмурится.

– А ну-ка брось эту чепуху.

И правда, это все чепуха. Хоть на мне нет ни цепей, ни кандалов, я так же надежно прикована к этому месту, как если бы на мне был ошейник. Безумие приковало меня к этим стенам.

– Пошевеливайся, – говорит она. – Тебя ждет новый доктор.

Новый доктор? Так значит, он собирается продолжать, несмотря на все мои имена. Так значит, будет чай. Я так рада. Комната Диаманта напоминает мне о другой жизни, наполненной теплом, светом и надеждой.

В этой комнате нет ни цепей, ни вообще чего-то неприятного. Ее заливают яркий солнечный свет, и мои глаза слезятся, когда вхожу к нему из темного и мрачного коридора. Ох, как же Диаманту повезло заполучить эту комнату! Здесь даже забываешь, что находишься в лечебнице. Даже решетка на его окне кажется более податливой, будто ее сделали из какого-то мягкого материала, не такого прочного, как железо.

Я разглядываю его кабинет и все сокровища в нем, мечтая однажды заполучить их. На одной полке разложены кусочки золотого стекла с темными пятнышками. Подойдя ближе, я вижу, что эти пятнышки на самом деле крохотные листья, существа, крылатые насекомые.

– Они там уже давно?

– В янтаре? – переспрашивает он.

Конечно, это янтарь. Глупо с моей стороны. Для стекла материал выглядит слишком роскошным и будто воощенным.

– Да, так они там давно?

– Тысячи лет.

– Тысячи? – Некоторые замерли в полете с расправленными крыльями. – Все это время они заперты в желтой тюрьме.

– Ну, они...

– Это даже хуже, чем здесь, – вырывается у меня.

Он думает, что это шутка, и смеется, а я все не могу оторвать глаз от существ – их крылья расправлены, но летать им не под силу. Они напоминают мне других существ, тоже застывших в чем-то желтом, пытающихся выбраться и наполнить воздухом легкие.

В груди тесно. Голова начинает кружиться так резко, что я хватаюсь за спинку стула.

– Мод?

Когда я отрываю взгляд от янтаря и вижу перед собой обеспокоенное лицо Диаманта, узел в груди ослабевает. Это все от безумия, и только. Если я не буду смотреть на пойманных существ, все пройдет.

Диамант поднимается.

– Хотите взглянуть на что-нибудь из шкафа?

– Да, конечно, я бы хотела. – Я продолжаю не смотреть на янтарь. Всего-то желтое пятно на периферии зрения.

Он вынимает из жилетного кармана ключик и отпирает стеклянную дверь. Я едва верю собственным глазам, а он ведет себя как ни в чем не бывало, как будто давать больной такую свободу абсолютно в порядке вещей. Он берет с полки окаменелость и протягивает. В этот момент Подбородок выпрямляется на стуле. Я вижу ее краем глаза, чувствую взгляд блестящих глаз-бусинок, чувствую, как напрягаются ее мускулы – будто она готова ударить или удрать. Я не виню ее. Аммонит тяжело лежит в моей руке, и это настоящее ору-

жие. Мои пальцы сжимают его. Я чувствую изгибы его туловища, красоту этого давно умершего существа, и в сердце отдается боль.

Я возвращаю его Диаманту, тяжело опускаюсь на деревянный стул и задеваю подлокотник. Провожу кончиками пальцев по дереву. Оно было живо, пока кто-то не срубил его. И теперь оно заперто в интерьере, навсегда лишено свободы – прямо как я.

Диамант запирает шкаф, придвигает стул и садится напротив.

– Как вы себя чувствуете после сокращения дозы лекарств?

– Я вспомнила что-то об этих платьях. – Мои пальцы перебирают грубую шерсть. – Мне вспомнилось, как они впитывают болотную воду.

– Хорошо. Помните, что вы при этом почувствовали?

Я пытаюсь придумать ответ, но он так и не приходит.

– Вы были рады? Расстроены? Злы?

– Вчера я плакала.

Не уверена, было ли это вчера, но звучит всяко лучше, чем «однажды я плакала».

– После сокращения дозы лекарств, возможно, вы заметите, что сны стали ярче, что какие-то детали вы помните даже после пробуждения. – Он слегка улыбается. – Возможно, вы вспомните даже какие-то радостные моменты, но, увы, это вас не излечит. Только гипноз позволит нам добраться до тех

событий, которые вызвали болезнь.

Значит, он должен докопаться до кошмаров в моей голове. Интересно, сам он готов к тому, что там найдет? В моей голове укрылось целое болото, гниющее и бурлящее варево. Даже я не знаю, что там лежит. И не хочу знать.

– Если похоронить мучительные воспоминания, они могут отравить разум.

Он знает. Он знает, что прячется в моей голове.

– Как только мы раскроем и разоблачим ваше прошлое, оно перестанет преследовать вас и вы почувствуете себя лучше. – Его голос звучит так уверенно, он так убежден, что лечение сработает, и я в шаге от того, чтобы поверить ему. – Вы записали свое воспоминание? – спрашивает он меня.

Я должна была это сделать. Но книга по-прежнему в тайнике, ее страницы чисты и не запятнаны.

– О платьях?

Теперь он заберет ее у меня.

– Вы ничего не записали. – Он расстроен. Это слышно по голосу, он стал ниже и тише.

– Я не хотела испортить тетрадь.

– Она предназначена для того, чтобы в ней писали.

Вот это мне как раз известно, так что я предпочитаю промолчать.

Он роется в столе и достает оттуда потертую тетрадь. Она меньше моей, коричневого цвета и с заломами по краям. Диамант протягивает ее мне.

– Может, вам больше понравится эта?

– Мне нужно вернуть первую? – спрашиваю я, принимая ее.

– Нет, можете оставить обе у себя. – Он улыбается и встает. – Итак, давайте посмотрим, что нам удастся узнать.

Значит, я все же должна расплатиться за обе тетради.

– После гипноза вы почувствуете себя освеженной и спокойной.

Он говорил это и в прошлый раз. И тогда это было неправдой, так что...

Его палец уже раскачивается перед моим лицом, а вот и искорка. Вперед – назад, вперед – назад, Диамант продолжает отсчет. Перед моими глазами проносится кошмар, кто-то тащит меня с болота, тянет за волосы.

– Как и раньше, Мод, – говорит Диамант, – думайте о времени, когда были счастливы, о своем безопасном месте.

Я стараюсь сосредоточиться на часах, на этом тиканье. На этот раз я не позволю разуму увести меня к опасности. Мне хватает и прежних кошмаров.

– Попробуйте подумать о прошлом, о времени, когда были счастливы. – Он замолкает, будто ждет, что я скажу ему что-то. Ни слова не вымолвлю, ни единого.

– Возвращайтесь в это счастливое время.

Солнце припекает затылок. Что-то яркое и блестящее щекочет ладонь – это жук, такой ярко-зеленый и красивый.

На меня падает тень. Это мой отец, а за ним стоят братья.

– Мы думали, ты потерялась, Моды. – С тревогой смотрит на меня отец. – Совсем в траве спряталась. Не слышала, как мы тебя звали?

– Нет, – отвечаю я. Меня околдовали цветы, запах примятой мной травы, жучки, мушки и божьи коровки вокруг.

Меня обхватывают руки и поднимают высоко-высоко, сажают на плечи моего брата Джонатана. Хватаюсь за его волосы, и вокруг нас порхают бабочки, будто радуясь, что меня нашли, – как же их много, просто не счесть!

Столько времени прошло, а отец и братья вернулись за мной. Теперь они заберут меня домой.

– Вы в безопасном месте? – спрашивает Диамант.

Я сжимаю пальцы, чтобы удержаться за волосы Джона.

– Скажите мне, что вы видите.

Волосы ускользают сквозь мои пальцы, нельзя их упустить.

Не могу удержаться.

– Где вы сейчас? – продолжает Диамант.

Отец и братья исчезли. Нет больше ни луга, ни солнца.

Только огонь потрескивает в камине.

– В лечебнице.

На какое-то время повисает тишина, ее нарушает долгий вздох.

– Хорошо, остановимся на этом.

От облегчения в пальцах покалывает.

– Как только я досчитаю до одного, вы откроете глаза, – приказывает Диамант.

Он считает, и я открываю глаза.

Как же он расстроен. Я чувствую себя такой виноватой, мне уже жаль, что я не сказала ему хоть что-нибудь, – тогда бы он знал, что ему все удалось. Сама не понимаю, почему должна беспокоиться о его переживаниях. Думаю, это все его глаза, и этот мягкий голос, убаюкивающий меня, чтобы я раскрыла все свои секреты.

– Вы очень сопротивляетесь, Мод. – Укоризненно смотрит на меня он.

– Правда?

– У меня нет цели сделать вам больно. – Он ловит мой взгляд. – Я хочу, чтобы вам стало легче.

Было бы так легко поверить ему, так просто и так глупо.

– Время пить чай, – произносит он бодрим голосом. За этим следует целая церемония: налить, размешать и подзынькать серебряными ложечками о фарфор – громко и с

резкими движениями. И все это время он безостановочно рассказывает о пользе гипноза.

Подбородок поддакивает ему постоянными «да, доктор» и «конечно, доктор», но я не произношу ни слова. Приготовив чай и вручив каждой по чашке, Диамант устраивается за своим столом.

– Вы улыбнулись, Мод, во время сеанса.

Лицо выдало меня.

– Судя по всему, вам удалось найти время и место, где вы были счастливы. Можете вспомнить, что вы видели? – спрашивает он.

– Нет.

Я продолжаю размешивать чай. В золотистой жидкости образуется воронка.

– И все же это было счастливое воспоминание, правда?

Сладкий чай переливается, курится паром.

– Мод?

Я не отвечаю, как бы меня ни умоляли его карие глаза.

– Чего вы боитесь?

– Я ничего не боюсь.

Дверь открывается, и блюдце едва не выскользывает из моих рук. Чай выплескивается и проливается на колени.

– Доктор Диммонд, – гулко раздается голос Уомака. – Я к вам с результатами вскрытия, которые наверняка вас заинтересуют. Думаю, вы захотите на них... – Он переводит взгляд на меня, и улыбка уступает место серьезному тону. –

Вы собираетесь опробовать гипноз на этой пациентке?

– Собираюсь. – Диамант не сводит взгляда с меня, залитого чаем блюдца, с моих дрожащих рук. – Она идеально подходит по всем критериям.

– Великолепно. – Улыбка намертво приклеилась к лицу Уомака, застыла в точности как его вощенные усы.

– По правде говоря, мы уже завершили второй сеанс, – уточнил Диамант.

– Уже? – Остекленевший взгляд Уомака задержался на мне. – И вам удалось выяснить что-нибудь интересное?

– Пока нет, не удалось.

Уомак щипает себя за ус. Он уставился в мои глаза – все смотрит и смотрит, будто забыл, где находится. Наконец он переводит холодный взгляд на Диаманта.

– Мне глубоко жаль, что Мэри все еще не может отличить фантазию от реальности. Думаю, в какой-то степени это мой промах.

Пауза. Наверное, ждет, чтобы Диамант возразил ему.

Но он молчит.

Уомак дважды моргает.

– Полагаете, ваше лечение принесет результаты, которых не удалось добиться нам?

Он тепло улыбается, но его бесцветные глаза холодны, как могила.

– У меня есть основания на это надеяться, – отвечает Диамант.

– Думаю, среди наших пациентов есть более подходящие кандидаты. – Глаза Уомака сужаются.

Диамант склоняет голову набок.

– Да, меня интересуют несколько пациентов. Их более чем достаточно для моего исследования.

Уомак кивает.

– Хорошо. Хорошо, тогда надеюсь, что вы сосредоточитесь на них.

– Возможно, – отвечает Диамант, помечая что-то на полях своих записей.

Уомак откашливается.

– Буду ждать отчетов о ваших успехах.

– Само собой, буду рад ими поделиться, – кивает Диамант и, видя, как Уомак разворачивается к двери, напоминает ему: – А как же вскрытие?

– Не буду отвлекать вас от работы. Может, в следующий раз.

Он уходит, оставляя за собой распахнутую дверь. В комнату проникает сквозняк, и пламя в камине вспыхивает длинными желтыми языками.

Слегка нахмурившись, Диамант забирает у меня чашку, утонувшую в блюде.

– Все хорошо, Мод?

– О да, – нарочито беспечно отвечаю я.

Его глаза сужаются. Правильно, что я держала рот на замке. Диамант наверняка рассказал бы Уомаку все о моем про-

шлом, а этого допустить никак нельзя. Нет уж, даже за весь чай мира! Но от одной мысли, что я никогда больше не выйду из своей комнаты, мне становится плохо, а ведь так наверняка и будет, если я в скором времени не заговорю. В голову не приходит ничего, чем я хотела бы поделиться с Уомаком. Совсем ничего, так что надо взять от встреч с Диамантом все, пока у меня не отобрали эту возможность.

– Думаю, я бы наверняка смогла бы что-то вспомнить, если бы мне разрешили выйти на улицу.

Диамант хмурится.

– Теперь тебя выпускают на прогулки.

– Эту не велено выпускать, – вмешивается Двойной подбородок. – Распоряжение доктора Уомака.

Глаза Диаманта расширяются.

– Что ж, а мое распоряжение – сопроводить ее на прогулку, чтобы она подышала свежим воздухом.

Наконец-то моего лица коснется ветер, я почувствую траву под ногами. Даже не верится.

Диамант обводит рукой окно.

– Иначе зачем нам все эти восхитительные территории? – Он не сводит широко распахнутых глаз с Подбородка. – Всем известна польза от свежего воздуха и прогулок для здоровья душевного и физического. Именно ради этой цели и обустроивали территории лечебницы!

Санитарка откидывает голову назад, так что подбородок растворяется в ее шее.

– Само собой, ее будут сопровождать два зрителя, – добавляет Диамант. – Уверен, этого вполне достаточно, чтобы соответствовать всем требованиям безопасности.

На его лице мелькает улыбка – секунда, и она уже скрылась.

– Очень хорошо, доктор. – Подбородок явно недовольна. Ее губы сжаты так сильно, что кажется, будто рот стерли с ее лица. Она хватается меня под руку сильнее, чем раньше, и уводит меня обратно. Потом там проступят синяки – красные и фиолетовые в форме ее пальцев, как раз рядом с желтыми, коричневыми и зелеными, старыми, уже почти сошедшими.

– Когда я выйду на прогулку? – спрашиваю я уже после возвращения в комнату.

Она не отвечает. Ее рот все еще напоминает тонко и гневно прочерченную линию, когда она разворачивается, захлопывает дверь и запирает меня.

За столом коричневую книжку точно не спрятать, места совсем нет, но вот под окном, где штукатурка отвалилась и потрескалась, есть щель. Она как раз подойдет.

После полудня я только и делаю, что гляжу в окно и жду. Солнце скрывается за горизонтом, раскрашивая золотом деревья и изгородь. Туман стелется по полям, где прячется река. Они не выпустят меня сейчас, уже слишком поздно, и длинные тени ложатся так густо, что им ничего не стоит укрыть меня.

Слива приносит мне ужин.

– Когда меня выпустят на прогулку? – спрашиваю я.

– На прогулку?

– Туда. – Я указываю на окно, за которым уже легли сумерки, лишив мир всех красок, кроме серой. – Туда, на территорию. Мне обещали прогулку.

– Не сегодня, это точно, – отвечает она. – И ни в какой другой день, насколько мне известно.

– Но я должна. Мне обещали! Диамант так сказал.

– А-а!.. – В ее глазах проскальзывает жалость, а брови складываются домиком. Она испытывает жалость ко мне, и мне этого не вынести. Я разворачиваюсь к окну.

– Доктору Уомаку виднее, он принимает такие решения. – Она легко похлопывает меня по плечу, будто колеблясь.

Разочарование давит на грудь словно булыжник. Диамант солгал. Конечно, удивляться тут нечему, но все же я удивлена. Здесь лгут все, кроме меня.

Глава 7

Снова колокольный звон. Кем бы ни был этот беглец, он должен находиться уже очень далеко, так что весь этот переполох по какому-то другому поводу.

– Кто-то умер? – спрашиваю я Сливу, когда она приносит ужин.

– Ничего такого не слышала.

– Тогда почему бьют в колокол?

Она хмурится.

– В какой колокол?

– Как это «какой колокол»? О каком еще колоколе может быть речь? – О том, что звонит сейчас громче прежнего, от его «бом-бом-бом» гудит голова, и этот гул отдается в ней со всей силой. – Об этом! – Я указываю в том направлении, откуда, похоже, доносится звон, но теперь мне уже кажется, что он гремит сразу повсюду, со всех сторон. Я прячу палец, надеясь, что она не заметила дрожи в руке. – Он звонит уже неделю начиная с субботы. – На самом деле я уверена, что в колокол бьют гораздо дольше, но с этими людьми лучше быть предельно точной, даже если речь идет о несуществующих вещах. На ее лице застыло настолько тупое выражение, что мне хочется залепить ей пощечину. – Колокол. – Я сжимаю зубы. – Этот. Чертов. Колокол. В который бьют прямо сейчас.

Она утыкается взглядом в потолок.

– Нет. – И трясет головой. – Не слышу я никакого колокола.

– Да, слышите. – Это она нарочно врет, чтобы выставить меня окончательно спятившей. – Да вся чертова лечебница должна его слышать!

– А грубых выражений мы здесь не терпим, – произносит Слива, поджимая губы. – Я передам доктору. – И разворачивается к двери.

– И правильно, потому что вы оглохли.

Дверь хлопает, в скважине поворачивается ключ.

– Ко всем чертям оглохли! – кричу я вслед ее удаляющимся шагам. – Ко всем чертям оглохли!

Теперь колокол так ревет, что этот грохот слышен даже сквозь ладони, которыми я изо всех сил зажимаю уши. Неудивительно, что здесь все спятили. Вообще ничего удивительного.

Я забираюсь в кровать, прячусь с головой под одеяло, но колокол не стихает. Его бой становится только громче, медленнее, глубже. Он напоминает тот звон, который я слышала во время сеанса гипноза, на той узкой дорожке на холодном ветру, когда еще пела малиновка. Птица и сейчас поет свою скорбную песню, та же самая птица, посреди могильных плит.

Как же холодно стоять на ветру, он пронизывает до костей. Я дрожу и кутаюсь в пальто. А колокол

все звонит и звонит, ветер разносит по опустевшему кладбищу каждую скорбную ноту. Собралось так мало людей, как же мало нас осталось. Деревня постепенно умирает: все молодые и достаточно крепкие, чтобы работать, уезжают в города, влекомые их богатством, огромными заводами и фабриками, их черными грозящими задуть трубами.

Твердая земля безжалостно проглатывает один за другим три гроба. Священник бубнит что-то под нос, большую часть слов не разобрать – они вылетают из его рта, а ветер подхватывает и уносит их к лиловым вересковым пустошам. Возможно, Бог где-то там, потому что среди нас его точно нет.

– Женою рожденный...⁴

Могильщики беспокойно топчутся на месте. Они ждут, когда мы уже разойдемся, чтобы они могли засыпать могилы и поспешить домой к своему чаю.

– ...блаженны умирающие в вере Господней... они упокоятся вдали трудов своих⁵.

Комья земли стучат по крышкам гробов.

– Что же теперь будет с тобой, маленькая Мод? – Потрепанное годами лицом Филимона морщится от беспокойства.

– О, со мной все будет в порядке. – Его жалость раздражает меня. – Я буду жить у дальнего родственника моего отца в Тонтоне.

Это ложь. Нет у меня никаких дальних

⁴ Книга Иова: 14:1-22.

⁵ Откровение Иоанна Богослова: 14:13.

родственников. Но говорить этого Филимону не стоит. Не позволю никому жалеть меня. Я этого не вынесу.

Том стоит у входа в церковь, погрузившись в размышления. Его взгляд встречается с моим.

Он приближается, встает прямо за моей спиной.

– Нет у твоего отца никаких родственников, – шепчет он. – Куда же ты поедешь?

Я оборачиваюсь, пристально смотрю прямо на него, но взглядом его не напугать, только не Тома. Мы знаем друг друга уже сто лет, еще с детства.

– У меня одно место на примете, раз уж тебе так интересно.

– Нисколько. – Может, он и правда беспокоится, но я сомневаюсь, что его намерения действительно добрые.

В опустевший дом я возвращаюсь одна. Каким же холодным он кажется в сумерках, мертвым, как мои братья, холодным и безжизненным, как они. Дому пришел конец, как и моим братьям.

– Слышал, одному человеку нужен ассистент! – кричит мне Том через дорогу.

Я останавливаюсь, но не оборачиваюсь. Он тоже останавливается. Да, он хорошо меня знает.

– Это ученый, спец по растениям и всякому такому. Тебе же это нравится, да?

Бесит, что он так хорошо меня знает. Бесит, что все всё обо мне знают. И все-таки я не произношу ни слова.

– Местные туда не ходят, – не понимает он. – Думают, что дом проклят. Ну, ты знаешь деревенских...

– И что? Он действительно проклят? – Я

разворачиваюсь к нему.

Он кивает, поджав губы.

– Может быть. Так значит, ты боишься?

– Конечно нет.

– Нет. – Он улыбается. – Так я и думал. – Том идет со мной какое-то время и останавливается на полпути. – Дай мне знать, если захочешь туда пойти. Адрес у меня есть.

Я открываю входную дверь, шагаю внутрь и захлопываю дверь. Только тогда я прижимаюсь спиной к стене, сползаю на пол и вдыхаю запах смерти. Не могу оставаться здесь. Не могу. Не могу жить в этой вони, среди преследующих меня призраков.

Если бы я могла повернуть время вспять ровно на одну неделю. Одна неделя – и не более. Я запрокидываю голову и слышу собственный вой, потому что моих любимых братьев больше нет – и все из-за меня. Я вою и проклиная Бога, а мое опустошенное сердце дает трещину и разлетается вдребезги.

Крик из соседней палаты вырывает меня из сна. Кто-то кричит. Кричит и стенает.

Нет, это не я. Я всхлипываю и стенаю. Тише-тише, иначе придут зрители.

Мои братья мертвы. От резкой, острой и глубокой боли трудно дышать, будто наточенный нож вонзили мне прямо в душу. Они мертвы. Все погибли.

Выбираюсь из кровати и подхожу к окну. А там – ночное небо, и серп луны, и звезды, так много звезд! Их красота с

начала времен озаряет с небес столько жизней, и смертей, и горя. Так я стою, пока холод не пробирает меня до костей и боль не стихает, пока от сна не остается только пение птицы.

Это всего лишь очередной кошмар, растревоженный доктором Диамантом и его гипнозом. Но он казался таким настоящим, впрочем, все кошмары такие. Наверное, это все потому, что мне изменили дозировку лекарств. Скоро я привыкну, как и к человеку с болота.

Часы тикают. С каждым взмахом маятника во мне растет тоска, будто что-то невидимый груз все сильнее давит на плечи. И пытается заставить меня опуститься на колени.

Не позволю.

Глава 8

Новый день обещает быть пасмурным и серым. Несмотря на слова Сливы, я все еще надеюсь, что Диамант меня не обманет. Может быть, сегодня я все же выйду во двор и свежий ветер прогонит эту печаль? Мне разрешат снять ботинки и я смогу зарыться стопами в мягкую землю? Сладкий и резкий аромат примятой травы уже почти мерещится мне. Да, это случится сегодня.

Шаги. Их двое, и вторая поступь тяжелее. Слива и Подбородок, наверное. Я поднимаюсь, когда в замке уже слышен скрежет ключа – а вот и они, именно этих двух я и ожидала увидеть.

– Ты готова? – улыбается Слива.

– Да.

Подбородок смотрит на меня с угрозой.

– Я не буду пытаться сбежать, – уверяю я.

– Сбежать? – говорит она. – С галереи? Вот уж не думаю.

– С галереи? Но мне обещали прогулку снаружи. Там. За стенами. – Я указываю на окно. – Там, на территории. Доктор Диамант так сказал.

Слива отводит взгляд.

– Туда, за стены, таких не пускают. – Подбородок хватается за руку. – Галерея или ничего, решай сама!

Слива уткнулась взглядом в пол. Она знает, как сильно я

хочу выйти из приюта.

Подбородок встряхивает меня.

– Нечего копать! У нас и другие пациенты есть, кроме тебя.

Так значит, никакого свежего воздуха не будет, и ничто не прогонит мою тоску, от которой так тяжело на сердце.

Галерея нисколько не приободряет меня. Солнце не заглядывает в эти окна, за столом нет капеллана. И коробки с книгами нет, нет музыки. Пианино пусто, брошено. Что мне делать? Как и остальные, сидеть, пуская слюни на колени?

Мимо проходит санитарка, ее я раньше не видела. Она не очень хороша собой, а красные щеки и блестящие глаза придают ей нетрезвый вид. Женщина садится за пианино, разминает пальцы, бросает взгляд через плечо и широко улыбается, не обращая не к кому-то конкретно, уж точно не ко мне, но улыбка ее неподдельна, будто она действительно рада быть здесь. Она играет «Зеленые рукава»⁶ и «Лондонский мост»⁷ и другие всем известные старые песни. Некоторые подпевают ей. Я не присоединяюсь к ним, но все это хотя бы немного заглушает колокол и тиканье часов.

Кто-то плачет. Женщина. Она где-то далеко. Я не вижу ее, но слышу. Она все плачет и плачет. Румяная санитарка про-

⁶ «Зеленые рукава» (англ. *Greensleeves*) – английская народная песня, известная с XVI века.

⁷ «Лондонский мост» (англ. *London Bridge is Falling Down*) – известный с 1744 года народный детский стишок.

должает играть, а больные – петь. Неужели никто не слышит ее? Ведь эта женщина совершенно безутешна.

О, какая тоска, какая ужасная жалоба в ее голосе, какие горькие рыдания! Ни один звук не сравнится с этой болью невосполнимой утраты.

Не могу это вынести. Не могу. Закрываю глаза и затыкаю уши, напевая что-то заунывное и лишенное мелодии. Вперед и назад, я раскачиваюсь вперед и назад, делаю вдох, и вот снова – эти рыдания. Если она не остановится, мне придется...

Руки. Красные, грубые и мозолистые руки хватают меня. Подбородок и Слива тащат меня к двери, и дальше из галереи, потом по ступеням – но я все еще слышу ее. Даже в моей комнате, даже тут – рыдания, не стихающие рыдания.

– Успокойся, – говорит Слива, прикасаясь к моему лицу платком.

– Почему никто ее не утешил? – Мой голос сел и кажется грубым. – Она надрывала сердце.

– Это была ты, Мэри, – мягко произносит Слива. – Никто не плакал, кроме тебя.

Проснувшись, я вижу Диаманта на стуле рядом с моей кроватью, он смотрит на меня. Секунды проходят одна за другой.

– Теперь вы видите, что с вами делают эти погребенные воспоминания?

Я сажусь, спускаю ноги с кровати. Мне нужно подняться,

правда, я так ослабела, да и что-то подсказывает мне – Диамант не представляет собой угрозы. Не в этом смысле, по крайней мере.

– Я не могу вспомнить прошлое.

– Не можете или не хотите?

От гнева в его голосе у меня пересыхает горло. Мне хочется пить, но вода на столике у двери и мне придется пройти мимо него, чтобы добраться до нее.

– Я не могу, – говорю я, не отрывая взгляд от рук.

– Чего вы боитесь? – Его голос смягчается, теперь он спокойный и убаюкивающий.

Я поднимаю глаза и встречаю его взгляд.

– Вы расскажете Уомаку.

– А! – кивает он. – Я так и думал. Вас выдает выражение лица, когда вы видите его.

Мое лицо опять выдало меня.

– Он главный врач, и я обязан сообщать ему о вашем прогрессе. Но могу пообещать не говорить о деталях. – Некоторое время он не сводит с меня взгляд. – Не все, что вы вспомните, непременно должно быть правдой. Мы все видим вещи по-разному. Вот взять хотя бы цвет неба.

Небо серое.

– Какого оно цвета, по-твоему?

– Серого, – отвечаю я.

– А я назвал бы его бежевым.

– Бежевым? Нет. Оно шиферно-серое, но уж точно не бе-

жевое.

Он улыбается.

– Вот видите, никто из нас не лжет. Мы оба говорим правду. Так же и с прошлым. Воспоминания – это то, как мы интерпретируем события. Что мы называем правдой, как ее видим. И не более. Иногда мы ошибаемся. Но меня это не касается. Я не детектив. – Он откидывается на спинку стула. – Никто не пытается вас подловить.

Я делаю вдох.

– У меня бывают кошмары. – От досады руки сковывает спазм. Досады на себя или на Диаманта, я даже не знаю.

Он кивает.

– Кошмары редко бывают воспоминаниями. Обычно это проявления беспокойного разума.

Я уже рассказала ему. Рассказала ему о моих кошмарах, и они ничего не значат. Он хочет еще.

– Мне не хочется вспоминать, что случилось. – Вот, я это сказала. Дело сделано.

– Конечно, вам этого не хочется. – От нетерпения его голос становится более резким. Значит, он устал, устал от бесконечных и ни к чему не ведущих разговоров. – Именно поэтому вы и похоронили их в своей памяти. – Его челюсть напрягается. – Неужели вы не видите, что чем дольше держитесь за эти ужасы, тем быстрее они разрушают ваш разум? Эти воспоминания уничтожат вас, если вы им позволите.

Уничтожат меня? То есть все немногое, что осталось от

меня, исчезнет? Но ведь в этом наверняка нет ничего плохого, не такая уж большая потеря для мира.

– Я и раньше лечил пациентов с травматической амнезией.

– И гипноз помог им?

– Нет. – Он делает глубокий вдох. – Не помог, потому что тогда я не слышал о гипнозе, то есть не слышал, что его можно использовать в лечении. Как и вы, я думал, что это нечто из разряда развлечений для мюзик-холлов. Теперь я все понимаю лучше.

Он не позволит мне прекратить сеансы. Теперь мне это ясно. Он должен спасти меня, даже если я этого не хочу. Он должен спасти меня, чтобы доказать собственную правоту.

– Я понимаю ваши сомнения, правда, но вы должны мне верить. Это лечение может излечить и излечит вас, но только если вы позволите.

– Верить вам? – Руки начинают дрожать. Я сжимаю ткань юбки, чтобы унять дрожь. – Как я могу вам доверять, если вы мне солгали?

– Солгал?

– Вы такой же, как Уомак, такой же, как все они.

Он хмурится, постукивая ручкой по блокноту.

– Вы сказали, что мне можно выйти наружу. Вы обещали.

– И вас не выпустили?

Я отрицательно качаю головой.

На его челюсти дергается мускул.

– Тогда завтра вы выйдете на прогулку, даже если там будет лить как из ведра, даже если мне самому придется вывести вас! Даю слово.

Он встает. И собирается уйти.

– У меня были братья. – Слова сами вырываются изо рта. – Три брата, их больше нет.

– Нет?

– Они мертвы.

Он хмурится и делает шаг ко мне.

– Вы уверены?

Я пожимаю плечами.

– Мне казалось, это только кошмар, но... – Я трясую головой. – Думаю, это настоящее воспоминание.

Он садится на стул, скрещивает руки на груди.

– Расскажите мне.

– Я вспомнила... птичье пение. – Звучит глупо. Лицу становится жарко, и шерстяное платье колет под мышками. – Было холодно и... кто-то звонил в колокол.

Он подается вперед.

– Колокол, говорите?

– Да, он все время звонит. – Ведь правда? Сейчас я не слышу его, и мне не хочется, чтобы он считал меня сумасшедшей, иначе я никогда не выберусь отсюда. – То есть я хочу сказать, там был колокол, в той церкви. И все.

Диамант кивает.

– Ваши братья умерли вместе?

– Да. – Я вижу их. Все трое лежат в ряд, их кожа холодная и липкая, когда я целую их в лоб.

– Можете вспомнить, как они умерли?

Как же холодны эти мальчишки, прямо как лед – белый и неподвижный.

– Мод?

– Я не помню.

Его лицо бледнеет. Он думает, это я их убила. Надеюсь, он не прав.

– Я уже здорова? – Пальцы еще сильнее сжимают подол, зарываются в грубую и жесткую ткань, ее прикосновение успокаивает.

– А вы сами чувствуете себя здоровой? – Он пристально и с любопытством смотрит на меня.

– Да. – Я выдерживаю его взгляд и напоминаю себе, что нельзя прятать глаза, нельзя нервничать.

– Вряд ли причина такой тяжелой болезни так просто даст о себе знать. Обычно такие воспоминания погребены слишком глубоко, чтобы их можно было пробудить по щелчку пальцев.

– Так значит, есть что-то еще?

– Боюсь, что да.

Значит, это еще не все, есть что-то хуже смерти моих братьев. Гораздо хуже.

– Расскажите мне о своем отце, – просит он.

– Я не... – Но я помню. Я и правда помню. – Он мертв,

как и моя мать. – Пытаюсь засмеяться, но смех застревает в горле и что-то жжет глаза. – Он умер от инфлюэнцы, когда мне было двенадцать. Моя мать умерла при родах. Я отняла у нее жизнь, не успев сделать и вдоха.

Он подается ко мне и тихо произносит:

– Вашей вины в этом нет, Мод. Не вы решали, приходить в этот мир или нет. – Его мягкий голос должен меня утешить, но словами правды не изменишь.

– Смерть следует за мной, – возражаю я. – Она всегда следовала за мной. Я проклята, Диамант, и даже ваш гипноз не спасет меня.

Он трясет головой.

– Нет, вы не прокляты. Я вообще не верю в проклятия.

– Но я проклята! – Как же грубо звучит мой голос, будто это Диамант виноват в том, что их не стало, а не я. Воспоминания о похоронах, зияющей пустоте и давящем чувстве вины захлестывают меня. Неужели он правда думает, что способен избавить меня от этого ужаса при помощи блестящего колечка?

Его ручка замирает над блокнотом.

– Что вы можете рассказать о братьях?

– О моих братьях? – Почва один за другим проглатывает три гроба, от каждого из них поднимается торфяной запах чернозема. – Они мертвы. Кроме них, у меня не было никого.

Диамант кивает и ждет, ждет, пока я наконец не выдер-

живаю.

– Они были старше меня. – Кулаки сжимаются сами собой, изо всех сил – до боли. – Я родилась по ошибке, никто меня не планировал. – Слова вырываются так внезапно, громятся друг на друга. – И эта ошибка стоила моей матери жизни.

– Ваши братья, Мод, помните их имена?

– Конечно. Сэм. Сэм был старшим, и потом... потом... – Я знаю их имена. Должна знать.

– Сэм и...

Нет. Их нет. Я ищу, стараюсь найти братьев в своей памяти, их имена, лица, но их нет. Мой взгляд утыкается в колени, в сложенные на них руки, которые кажутся мне чужими, настолько они бледны, и болезненны, и не принадлежат мне.

– Память вернется, – говорит Диамант мягким голосом. – Вы не потеряли ее, Мод. Ничто не потеряно.

О, но ведь он не прав – я уже потеряна. И как же давно я потеряна, как же давно...

Глава 9

Во сне мне снова являются братья, их кожа такая же холодная и влажная на ощупь. Я снова и снова просыпаюсь в холодном поту и дрожи, меня тошнит от чувства вины.

Я повторяю себе, что, должно быть, они умерли от какой-то эпидемии, настолько заразной, что она убила всех троих. Но ведь я-то жива и невредима.

От тошноты кружится голова. Пожалуйста, пусть только их смерть не будет моей виной, только не смерть моих любимых братьев.

Небо светлеет. Лечебница просыпается. Ничто не изменит прошлого, ничто не поднимет моих братьев из их холодных могил, но я должна как-то пережить этот день. За этими стенами есть деревья и трава, небо и свобода. На открытом воздухе мне будет лучше, гораздо лучше.

Часы тикают, колокол звонит. Почему я не спросила, в каком часу меня поведут на прогулку? Раннее утро сильно отличается от позднего вечера. Чем дольше я сижу в ожидании, тем сложнее становится бороться с унынием.

Слива приходит с завтраком, облака бегут по небу, обед приносят и уносят, а я все жду. Вскакиваю при малейшем звуке в коридоре и внимательно вглядываюсь в дверь, жду и жду, но чужие шаги проходят мимо. Вперед и назад, тяжелые, легкие, одни быстрые, другие медленные, третьи припа-

дающие. В этом коридоре всегда таклюдно? Почему я раньше этого не замечала?

И наконец дверь открывается. Поднимаюсь, расправляю юбки. Я докажу Диаманту, что я в порядке, что мне можно давать свободу.

Это Подбородок.

– Пошевеливайся. – Глаза у нее навывкате. – Не могу торчать тут весь день.

– Я тоже, – отвечаю я, хотя это, конечно, не так. У меня есть весь день, весь год, вся жизнь.

Она выпячивает челюсть. Ее пальцы сжимаются выше моего локтя, впиваются в руку, пока она тащит меня к двери. Зачем так тащить меня, если я сама хочу выйти? Хотя я настолько хочу выбраться отсюда, что мне все равно.

Слива ждет меня у подножия лестницы. Она берет меня под другую руку, и мы вместе идем к главному выходу. Меня держат так крепко, что я едва касаюсь ногами земли. Дверь открывается, а за ней – солнечный свет, трава, деревья, свежий воздух. Мы втроем идем мимо цветников. Я уже чувствую, как в голове проясняется, как уходит тоска. Это все затхлый воздух приюта, тепло и влажность омрачают рассудок. Если бы я была снаружи целый день, я была бы совершенно здорова. Мы почти доходим до камышей, еще чуть-чуть – и можно будет разглядеть реку. Воздух пахнет свежей чистой водой и водорослями.

Мы возвращаемся обратно к промозглой серости.

– Можно пройти чуть подальше? – прошу я. – Мне бы хотелось посидеть немного.

– Не сейчас, – отвечает Слива.

– Можно хотя бы взглянуть на реку?

Они переглядываются.

– Нам нельзя к реке.

– Почему?

Они ускоряют шаг.

– Тебе запрещено, – поясняет Слива, – после того случая.

– А как-нибудь потом?

Хватка Подбородка становится сильнее.

– Нет, – отрезает она, и ее губы плотно сжимаются. Просто нет. Нет, никогда.

Я могла бы сопротивляться, попытаться вырваться, но вряд ли получится добежать до воды, мы уже почти достигли двери. Да и после такого снова меня точно не выпустят. Нет, лучше выждать время, быть послушной и покорной, пока они не расслабятся и не начнут считать, что им удалось меня подчинить.

Вернувшись к себе, я достаю тетрадь, вынимаю карандаш из рукава и начинаю рисовать. Я рисую грозное небо – темные, зловещие облака, бегущие по нему, а под ними – пенящиеся воды реки и ее возмущенные глубины. Она не имеет ничего общего с той медленной, грязной, сонной рекой, которую я видела годы назад. Это метущаяся, разгневанная река. Она захлестывает всю страницу.

Следующая страница так же мрачна. Теперь я рисую ночное болото, сплетение ветвей, скрывшее небо, заводи, блестящие в лунном свете. Я что-то потеряла на этом болоте давным-давно. Что-то важное. Однажды я вернусь и найду утраченное. Я вырвусь из этого места и вернусь на болото.

Белый лист. Нужно нарисовать что-то приятное, что-то безобидное и милое, чтобы они не решили, будто это прогулка так на меня подействовала. Что-то безопасное, без болота, реки, зловещего серого неба. Карандаш замер в моей руке.

Мне нечего нарисовать.

Нечего. Абсолютно ничего безопасного и приятного не обитает в моей голове. Только ужасы, ревущие в тени, нашли в ней прибежище.

После ужина я сижу на кровати и жду, когда погасят огни. Веки тяжелеют. Я уже погружаюсь в сон, когда слышу скрип двери.

Уомак. Мое сердце подпрыгивает, когда он запирает за собой дверь. В кои-то веки он без сопровождения. Как смело с его стороны. Впрочем, от двери он далеко не отходит. Наверняка прямо за ней притаилась Подбородок, готовая в любой момент прийти на помощь.

Он слабо улыбается, потирая руки.

– Я так понимаю, сегодня ты была на улице, Мэри.

Мои ногти впиваются в ладонь, чтобы успокоить дыхание. Он всего лишь врач, в конце концов, всего лишь мужчина,

и сегодня я ничего не сделала, чтобы заслужить наказание, только не сегодня.

– Полагаю, ты понимаешь, что пациентам со столь агрессивным характером такие привилегии категорически запрещены.

Годы прошли с тех пор, как я напала на него. Даже не помню, чтобы я пыталась убить его, но он не устает напоминать мне об этом.

– Ты продолжаешь упорствовать и сквернословить. – Наверное, он замечает презрение в моем взгляде, потому что его челюсть напрягается. – Пока ты не научишься сдержанности и хорошим манерам, никуда ты не выйдешь. Поняла?

Я смотрю в его бесцветные глаза.

Он одергивает жилет, наверняка чувствуя себя неловко под моим пристальным взглядом или из-за моего молчания.

– Доктор Диммонд считает тебя подходящим для исследования объектом. – Он молчит, переплетает пальцы, сгибает их. – Он ошибается. Возбуждение стимулирует мозг и является главной причиной болезни у женщин.

Его глаза перебегают на окно, на пол, а затем останавливаются на мне.

– Ты скажешь ему, что не желаешь участвовать в его эксперименте. Слышишь меня?

Вполне очевидно, что я все слышу – он знает, что я не страдаю глухотой. Видимо, ему больше нечего сказать, поэтому я разворачиваюсь к окну и жду, пока в двери повер-

нется замок. Долгое время ничто не нарушает тишины. И наконец дверь закрывается.

Уомак хочет раздавить меня, запереть меня в безумии и в этой комнате навсегда.

Диамант поверил мне, добившись для меня разрешения выйти наружу, прикоснуться к этому сокровищу. Он доверился мне. Возможно, и я должна довериться ему.

– Мне нужно увидеть Диаманта, – говорю я Сливе наутро.

Она суетится вокруг меня, что-то перекладывая и передвигая, разглаживая покрывало.

– Увидишь его в четверг, как обычно, – бросает она.

Четверг. До него почти неделя.

– Но тогда я все забуду.

Она хмурится, прикусывает губу.

– Можете просто передать ему? Пожалуйста?

Она останавливается у двери и оборачивается.

– Посмотрим.

Подхожу к окну и вглядываюсь в небо. Оно хмуро и непроницаемо серо. Из рощи вспархивает ворон и летит в мою сторону; его долгому, медленному, изящному полету сопутствует глубокий, резонирующий крик. Он уклоняется на запад и направляется вдаль. Я не свожу с него взгляд, пока он не превращается в крохотную точку в небе, и продолжаю следить, пока наконец не исчезает и она.

Там тоже были вороны, на болоте. Вороны и сойки, черные дрозды, и дикие голуби, и поползни, и лазоревки, и боль-

шие синицы, и певчие дрозды. И летучие мыши, и жабы, и ящерицы. Я бросаюсь к тетради, чтобы составить список всех животных, растений и деревьев. Я так отчетливо все вижу, слышу журчание воды, шорох листьев на ветру, шуршание всех существ под ногами: лесных мышей, землероек и полевок. И тех крохотных, что живут под землей: мокриц, ухверток, жуков, червей, многоножек. Я исписываю две страницы. И только перечитывая законченный список, я понимаю, что Диаманта он не заинтересует. Ведь он ничего не говорит о моем прошлом. Это всего лишь перечень.

Начинается дождь. Сначала по стеклу барабанят капельки, оставляя на нем россыпь пятнышек, а потом крупные и тяжелые вбирают в себя все остальные, что попадают им на пути. Они скользят по стеклу и стекают по решетке, все набухая и набухая, пока наконец не становятся слишком тяжелыми и срываются на следующий квадратик окна.

В замке поворачивается ключ. Это Слива. Только Слива. Я возвращаюсь к дождю.

– Ну? – говорит она. Ты хочешь увидеть доктора или нет?
– Да.

Я разворачиваюсь так быстро, что мозг не успевает проконтролировать движение и догоняет тело, только когда я больно ударяюсь головой о стену. Неважно. Все это затмевает радость от того, что я наконец выберусь из этой комнаты. Я так мчусь по лестнице, что Слива едва поспевает за мной.

Дверь Диаманта открыта, а вот и он – в оранжевом свете

камина, словно ангел или потусторонний дух. Даже мурашки по коже.

– Вы хотели видеть меня? – Он отдаляется от камина и снова превращается в человека из плоти и крови, и сухожилий, и волос, и ногтей, и зубов, и всего прочего, что делает его обыкновенным мужчиной.

– Я готова к гипнозу.

Он изучает меня, прищурился глаза, будто прикидывая мою ценность и вероятность успеха.

– Могу я узнать, что вызвало эту перемену?

Я стою абсолютно спокойно и улыбаюсь. Он все ждет и ждет. Не могу сказать – это все потому, что я хочу вернуться на болото, ведь только сумасшедший захочет вернуться в собственный кошмар. Не могу сказать, что это из-за запрета Уомака. Нет, этого я точно не могу сказать. Я могла бы сказать, что это все из-за чая, огня, из-за того, что Диамант позволяет мне говорить и не прерывает меня, потому что он относится ко мне как к нормальному человеку, и это действительно так и есть.

– Я хочу быть свободной, – произношу вместо этого.

Он кивает, его брови ползут вверх.

– Но я боюсь своего прошлого.

Он снова кивает.

– Вы вспомнили, как умерли ваши братья?

– Нет. – От пронзительной боли в груди я морщусь.

От его внимательных глаз это не укрывается.

– Боль от утраты братьев не исчезнет никогда, но со временем она ослабнет, Мод. Как только вы узнаете, как это произошло, – говорит он.

– Но что, если это я их убила? – Я поднимаю глаза к потолку и жду, пока пройдет жжение. – Мне бы не хотелось это знать.

– А если вы не узнаете, перестанете задавать себе этот вопрос? Перестанете бояться правды?

Я отрицательно качаю головой.

– Значит, чтобы излечиться, я должна знать, что случилось? Почему я потеряла рассудок?

– Именно так. – Он подходит к столу, перекладывает бумаги, ручки, карандаши, словно что-то ищет. – Мы продолжим немедленно.

Он возникает передо мной, когда я еще даже не успеваю занять свое место, – и вот перед моим лицом снова это кольцо. Страх тут же захлестывает меня, охватывает волной дрожи, но отчет уже начался, и я проваливаюсь в прошлое еще до того, как он доходит до трех.

– Расскажите мне о братьях.

– Я еду в дилижансе.

– С братьями?

– Нет. Нет, я одна. Вокруг темно, и я устала.

– Расскажите мне, как они погибли, – говорит он, но его голос стихает, и у меня нет времени вслушиваться в него.

Экипаж замедляется и останавливается. Снаружи

все темно и неподвижно. Хотя и день был едва ли светлее из-за низких иссиня-серых облаков и беспрестанного дождя. Не успеваю поблагодарить возничего, как экипаж трогается с места и набирает скорость, избавившись наконец от бремени, он торопится домой. Я провожаю его взглядом. Слева неясно вырисовывается квадрат колокольни. Вглядываюсь в надпись на табличке. «Церковь Святого Михаила и Всех Ангелов». Я подношу клочок бумаги к свету уличного фонаря и пытаюсь разобрать каракули Тома. Бумага промокла и стала хрупкой, некоторые буквы совсем стерлись, но это та самая церковь, и там, в темноте, на другой стороне дороги виднеются высокие ворота. Сердце замирает, когда я провожу кончиком пальца по буквам. Ошибки быть не может. Мне нужно пройти именно сквозь эти высокие неприветливые ворота.

За воротами лежит двор с флигелями. По обе стороны на деревьях висят мертвые вороны, а прямо передо мной висится Эштон-хаус, такой холодный и грозный в слабом свете, и безмолвный, такой безмолвный.

Я поднимаюсь по ступеням к входной двери, бросаю вещи и тяну за ручку звонка. Где-то в глубине дома отзывается колокольчик. Ни в одном окне не загорается свет, не мелькает приветливое лицо. Ничего. Я дрожу. Дрожь волнами захлестывает меня, одна за другой. Зубы стучат.

– Кто-нибудь?! – кричу я. Ветер уносит мои слова

прочь. Я начинаю молотить кулаками дверь.

Морось превращается в дождь со снегом, он жалит мое лицо, словно булавками. Нужно как-то пробраться внутрь, иначе я умру здесь от холода. Оставив багаж и сумку у порога, отхожу назад и оглядываю здание. Оно больше похоже на фермерский дом, чем на большой особняк, каким я его себе представляла. Плющ или какое-то другое ползучее растение, может глициния, опутывают серый уродливый известняк. Может, никто и не живет здесь вовсе. Возможно, все они лежат мертвые в своих кроватях и ждут, когда кто-нибудь их наконец обнаружит.

Дверь открывается, когда я уже собираюсь брать ее штурмом. На пороге стоит мужчина средних лет, не высокий и не низкий, не полный и не худой; обычный человек совершенно непримечательной наружности, в рабочей одежде трудноопределимого грязно-коричневого цвета под стать его волосам. Он облизывает потрескавшиеся и шелушащиеся губы.

– Здравствуйте, я новый ассистент господина Бэнвилла.

Он разглядывает меня прищуренными глазами, пока я стою в мокром платье на ледяном, пронизывающем до костей ветру. Незнакомец высовывает кончик языка, словно змея пробует воздух на вкус.

– Женщина.

– Да... да, так и есть. – Ветер дергает меня за волосы и хлещет по щекам, мешая видеть. – Мод Ловелл. А вы?

– Меня звать мистер Прайс⁸.

Мне хочется смеяться. Возможно, это от истерики или усталости, потому что ничего смешного в его облике нет. Да, он кажется хитрым, возможно злобным, но нисколько не забавным.

– Не ждали мы женщину, – произносит он. – В письме говорилось...

– В письме была подпись «М. Ловелл»⁹, и это мое имя. Рада знакомству. – Лицо мое настолько замерзло, что губы с трудом складываются в улыбку.

– Вы опоздали. – Он поворачивается ко мне спиной и удаляется, предоставляя мне самой тащить чемоданы в дом и запирает дверь.

Я оказываюсь в тесном вестибюле. Мокрые пожухлые листья и веточки залетают вслед за мной. У стены стоят грязные ботинки и ружья. На крючках висят дождевики и меха, и роскошные накидки из красного бархата, их так много, что нам приходится протискиваться, чтобы пройти в переднюю.

Перед нами возникает богато украшенная лестница. Она изгибается и ведет к полукруглому балкону, как будто из мюзик-холла или театра. Вдоль стен развешаны четыре гобелена – красные, золотые, зеленые – они расположены как бы наугад и изображают сцены охоты.

Я оборачиваюсь, стараясь охватить взглядом все – вот он, мой новый дом. От тяжелых сумок болят

⁸ От англ. *price* – награда, цена.

⁹ Видимо, обитатели Эштон-хауса прочли имя героини как «мистер Ловелл», хотя на самом деле подразумевалось «Мод Ловелл».

руки. В какой-то момент я почти решаюсь попросить о помощи Прайса, но он награждает меня таким холодным взглядом, что я тут же меняю решение.

Собаки. Казалось бы, в таком большом и отрезанном от мира деревенском доме должны быть собаки, но я не видела и не слышала ни одной. Здесь все как-то слишком тихо, заброшено и пусто. В воздухе чувствуется присутствие смерти, хотя, может, это всего лишь мое воображение разыгралось.

– Идем. – Прайс кивает в сторону задней стороны дома, отведенной для прислуги. Мы проходим небольшой лестничный пролет и попадаем в просторную кухню, где нас ждет уже разведенный очаг. Наконец-то можно отогреть онемевшие пальцы!

– Идем или как? – спрашивает он.

У меня просто не получается увести себя от огня.

– Я полдня ничего не ела.

Прайс оглядывает меня с головы до пят, и, когда его взгляд задерживается на лифе, губы изгибаются в усмешке.

– Не такая уж и щуплая, как я погляжу, небось до рассвета протянуть как-нибудь удастся.

Приходится все-таки оторваться от тепла и проследовать за ним по крутой и узкой лестнице. Стены стискивают нас с обеих сторон, да так сильно, что мне едва удастся протащить сумки. Огонь свечи пляшет на сквозняке, и мне кажется, что его вот-вот задует. Ступени и без того не внушают доверия, а в темноте тут ничего не стоит и шею свернуть.

Каким-то чудом пламя свечи не гаснет, когда мы достигаем крохотной площадки, на которой и одному человеку трудно уместиться, не то что мне со всей поклажей. Мы топчемся на месте, пока Прайс вздыхает и цокает.

Он открывает дверь справа.

– Сюда.

Я наклоняюсь, чтобы войти. Собственная тень кажется мне гигантской и застилает потолок и стену напротив. Кровать придвинута к самому окну. На ней голый матрас, белье сложено с одного края. Это все, что мне удастся разглядеть – остальная комната тонет во мраке.

Оборачиваюсь к Прайсу, чтобы спросить, где можно умыться, но его и след простыл – даже дверь за собой закрыл. Спасибо, что хоть свечу оставил, или, скорее, все, что от нее осталось. Она горит слишком ярко, бледное пламя поднимается слишком высоко и клонится на одну сторону из-за сквозняка.

Я ложусь на матрас, натягиваю на себя покрывала и поджимаю к груди колени, чтобы хоть немного согреться.

Перекрытия скрипят и будто ведут между собой спор, пока дом отходит ко сну. Ветер свищет под окнами и дверями. Он завывает под кровлей, будто сумасшедший – то насвистывает веселую мелодию, а через секунду ревет от гнева. Может, этот дом и правда проклят? Одержим духами? Я слушаю завывания старой развалюхи и улыбаюсь глупости тех, кто верит в

Эти сказки.

Глава 10

Я просыпаюсь от воя ветра, под натиском которого дребезжит окно. Да и весь дом дрожит. Мне снились братья – они бегали и смеялись, были полны радости и жизни. И вот на меня со всей тяжестью снова обрушивается осознание их смерти, и так я переживаю ее заново каждое утро. Когда-нибудь это закончится? Неужели у меня никогда не получится забыть, ну хотя бы на день?

Встаю на колени в постели и вглядываюсь в тусклое небо. За окном все уныло и серо: небо, дождь, лужи, мокрые камни, дорога, трава, голые деревья – все серо и скучно в предрассветный час. Я сдвигаю щеколду и толкаю окно. Холодный влажный воздух так резко бьет по лицу, что дыхание перехватывает. Захлопываю окно, оборачиваюсь и оглядываю комнату, будто вижу ее впервые.

В дальнем углу, где сгустились тени, стоит сундук с ящиками, а возле него – мой багаж. Опускаю ноги на ледяные половицы, и икры мгновенно пронзает боль от холода. Меня пробирает дрожь. Приходится закутаться в одеяло, чтобы добраться до сундука.

Все имущество, которое удалось забрать из дома, вся моя жизнь – в этой дорожной сумке.

Опускаюсь на колени, отстегиваю одну защелку за другой и откидываю крышку, прежде чем успеваю

передумать. О, этот запах! Сладкий ясенник и древесный дым.

Сердце пронзает острая и глубокая тоска по дому. Это не просто тоска по дому, деревне, это тоска по прошлому, это желание повернуть вспять то, что уже произошло.

Это пройдет. Обязательно пройдет. Запах выдохнется, развеется, и я забуду. Я подношу к лицу сорочку и позволяю себе глубокий вдох – только один, не больше. Затем я поднимаюсь и выпрямляюсь. Пути назад нет. Передо мной только будущее, и я должна шагнуть в него, хочу я этого или нет.

Спускаясь по пыльным ступеням, я чувствую, как же сильно мне жмут новые ботинки. Они из замши, с пуговками и шнурками. Платье зеленого шелка тоже новое. Пришлось потратить на них последние гроши – и все ради того, чтобы произвести хорошее впечатление на работодателя. Ах да, я же теперь наемный работник.

От голода желудок будто разъедает изнутри, но кухня все так же пуста, как и вчера. Разве что в кладовке висит связка фазанов, вот только в ней уже копошатся личинки. Запах стоит такой, что меня мутит. Я разворачиваюсь.

Этот Прайс стоит в дверном проеме, разминая белые пальцы.

– Хозяин тебя спрашивал.

Он разворачивается и с ворчанием исчезает через черный ход, преодолевая пыльный путь широкими шагами, бросает через плечо:

– Глаза садятся.

Неужели он пытается извиниться за свою грубость?

– Мне жаль, – отвечаю я.

Он резко оборачивается.

– Не мои – хозяйина. – И продолжает шагать еще быстрее, чем раньше. – Это Господь так карает грешников.

У меня вырывается фыркание.

– Убеждена, что Господь тут совершенно ни при чем.

Прайс останавливается, поворачивается – его глаза горят таким гневом, что у меня мурашки по коже.

– Я хотела сказать... Н-навверное, этому есть какое-то научное объяснение... – выдавливаю я заикаясь.

Он в ярости. Она застыла на его лице, шея набухла.

– И глаза его истлеют в ямах своих.¹⁰– Несколько мгновений он не сводит с меня блестящих угрозой глаз, затем разворачивается на каблуках и ведет меня к лестничному пролету снаружи, к наполовину застекленной двери.

Этот человек сошел с ума, думаю я, слушая удаляющийся по лестнице грохот его шагов. Когда они наконец стихают, стучу в дверь. Никто не отвечает. Тогда я толкаю дверь и оказываюсь в странной длинной и узкой комнате, по стенам которой тянутся пыльные полки и шкафы, занавешенные паутиной. Повсюду разбросаны бумаги. Под ногами хрустят мокрицы.

– Мистер Бэнвилл?

Комната пахнет пылью и смертью, конечно,

¹⁰ Книга пророка Захарии: 14:12.

ведь смерть всегда следует за мной, – растения, насекомые, млекопитающие приколоты булавками к карточкам, или утоплены в желтой жидкости, или распределены по секциям, или заключены под стекло. Живут здесь только пауки. Черные охотники с короткими ножками шмыгают по углам. Толстые длинноногие терпеливо свисают с хитросплетений паутины, поджидая и высматривая добычу. Огромные волосатые пауки величиной с ладонь блуждают в поисках партнера, рискуя попасть под ботинок невнимательного посетителя – может, и под мой угодили – их иссушенные тельца с беспомощно задранными лапками разбросаны по всей комнате. И мухи, куда же без них. Они постоянные спутники смерти. Крохотные плодовые мушки мечутся туда-сюда, синие трупные мухи жужжат и бьются о стекло, пытаясь вырваться на свободу.

Микроскоп. Настоящий! Как же мне хотелось увидеть такой собственными глазами. На узкой полке лежат стеклянные пластины. Я осторожно беру одну двумя пальцами.

– Не троньте!

Пластина выскальзывает у меня из рук и разбивается вдребезги.

– Прошу прощения... Обычно я не такая неуклюжая.

Мужчина возникает передо мной из ниоткуда. Даже не сразу понимаю, живой он или мертвец – так глубоко запали его глаза, а голова стала похожей на череп.

– Кто вас впустил?

Во рту у меня пересыхает.

– Го... господин Прайс. – Я указываю на дверь, хотя Прайса и след простыл. – Я ваш новый ассистент.

– Женщина. – Его глаза округляются. На виске заметно пульсирует голубая жилка.

– Да... да, так и есть. – Я пытаюсь выдавить улыбку, но губы отказываются слушаться. – Мод Ловелл. – Если он меня прогонит, то мне некуда идти, у меня нет ничего – ни дома, ни средств к существованию. – С чего мне лучше всего начать, как вам кажется? – говорю я, будто мне не терпится приступить к работе. – Могла бы убрать это... э-э... – Обвожу рукой весь обозримый хаос.

– Женщина мне не годится, совершенно не годится.

– Но...

– Как это женщину отправить на поиски образцов по всему графству? Это занятие для вас неподходящее.

– Я вполне способна...

– Не сомневаюсь, но факт остается фактом: это небезопасно.

– Я умею постоять за себя, – возражаю я и чувствую, как меня бросает в жар. – Я выросла с тремя братьями и без матери.

Он поджимает губы.

– Я постоянно гуляла на природе одна. И это мое любимое занятие.

Его глаза сужаются.

– Так значит, вы не боитесь?

– Конечно нет.

– А как насчет проклятия на этом доме? – Его губа дергается. Может, он дразнит меня, а может, это нервное. – Полагаю, вы о нем слышаны?

– Это выдумки, – отвечаю я, хотя сердце екает в груди.

– Ох уж эти наивные чаяния юности. – Он берет с полки большую запыленную банку и протягивает ее мне. – А об этом что вы думаете?

Я беру ее, стираю толстый слой пыли, из-под которого выглядывает чудовищное существо с двумя головами. Банка выскальзывает из рук, но каким-то образом все же умудряюсь поймать ее.

– Не такая уж и храбрая, как я вижу, – замечает он.

– Что это?

Он фыркает.

– Прайс считает, что это пойманная в ловушку душа. Четыре замутненных глаза смотрят на меня.

– А на самом деле?

– Аномалия – несформировавшийся зародыш обезьяны.

Он возвращает банку на место. Только теперь я вижу, сколько же здесь банок, некоторые гораздо больше той, что я только что держала в руках, и в каждой плавает по монстру в желтой жидкости. Отворачиваюсь к микроскопу, к безопасности и растениям.

Господин Бэнвилл усмехается.

– Прайс уверен, что я держу демонов в этих банках.

Мне тоже хочется засмеяться, фыркнуть и сказать, как же это глупо, но смех не приходит. Вместо этого я

продолжаю вглядываться в микроскоп, сосредоточенно дышать и стараться не думать об этих душах в стеклянных ловушках.

Он садится, и стул скрипит под его тяжестью. Стена с желтыми ужасами почти скрыта в тени. Но я буду осторожна и ни за что не забуду, что она там. Да-да. С этим уж я наверняка справлюсь.

– Само собой вы говорите на латыни?

Сердце у меня замирает.

– Я... я не говорю, но... – он ворчит, потирает лоб, – ... но я знаю названия растений на латыни и их классификации. – Пожалуйста, только не проверяйте меня. Пожалуйста, только не проверяйте меня. – Я изучала Дарвина и Линнея. – Да я с ума сошла, решила, что это мне по силам. Я же ничего не знаю о Дарвине и Линнее, кроме их имен. Знаю только то, чему учил меня отец во время прогулок: названия цветов, и насекомых, и птиц.

Он отрицательно качает головой.

– Я специально уточнил...

Мне вспоминаются слова Тома: «Местные туда не пойдут. Они думают, что дом проклят».

Выпрямив спину, я делаю шаг к двери.

– Конечно, у вас должны быть и другие кандидаты. – Еще шаг. – Мне не стоило приходить. – Сердце замирает, когда пальцы сжимают ручку двери. – Всего доброго.

Он цокает языком и вздыхает.

– Ладно уж, придется вас взять.

Внутри у меня все переворачивается, словно от небольшого землетрясения.

– Меня злит, что я не могу со всем справиться один, но против правды не поспоришь. Мое зрение уже не то, что раньше, и найти что-нибудь меньше дуба мне теперь не под силу. А этот проклятый паралич, – он вытягивает дрожащую руку, – не позволяет мне выйти из дома.

Значит, он нуждается во мне, как и я в нем, – я спасена. Я не глупа и, несомненно, смогу выучить все, что мне необходимо знать, и стать незаменимой для господина Бэнвилла.

– Полагаю, вы уже познакомились с моей женой Имоджен?

– Нет, господин Бэнвилл. Еще нет.

– Ах вот как! – Он выдыхает сквозь зубы. – Боюсь, у вас с ней мало общего.

– Уверена, мы с ней прекрасно поладим.

Я уже не так в этом уверена, когда Прайс ведет меня вечером в главный дом на ужин.

– Госпоже не так уж много времени понадобится, чтоб сбить с тебя спесь, – произносит он.

– Спесь?

Он ускоряет шаг, насвистывая. Боже, как же он самодоволен. Боже, как же хочется стереть эту ухмылку с его лица и сбить с его походки эту беспечность. Он открывает дверь кухни и проходит вперед.

– Тут новенькая. – Он кивает в мою сторону.

– Да ну? – Тучная женщина стоит перед плитой и помешивает какое-то зловонное варево. Ее очертания

проступают из пара – у нее красное лицо и блестящие от жира волосы, она принюхивается к своей тряпке и утирает нос тыльной стороной ладони.

Я пытаюсь улыбнуться.

– Миссис Прайс?

– Так меня зовут. – Она прищуривается.

– Я Мод Ловелл, новая ассистентка мистера Бэнвилла. – Лицо уже болит от приклеившейся к нему улыбки, но я стараюсь удержать ее в надежде на какой-нибудь ответный признак дружелюбия. Тщетно.

Она возвращается к своему вареву.

Прайс садится за стол, и я следую его примеру, передо мной тут же возникает тарелка. На ней толстые серые ломти мяса и горка картофельного пюре с непробитыми комочками и серыми пятнами. Дурно пахнувшей смесью оказывается некое подобие подливки. Говядина твердая и неподатливая, резать и жевать ее утомительно, но я голодна и мне холодно, а эта еда по крайней мере согревает, к тому же вряд ли отравлена.

Супруги не разговаривают, а мне в голову не приходит решительно ничего, чем я могла бы с ними поделиться, так что остаток ужина мы проводим в тишине, которую нарушают только хлюпанье, жевание и глотание, а иногда отрыжка одного из моих сотрапезников.

Прайс приканчивает свою порцию и вылизывает тарелку. На его подбородке остатки «подливки». Он удовлетворенно вздыхает, возвращает тарелку на стол и утирает лицо рукавом.

Где-то звонит колокольчик.

– Тебя зовет госпожа, – говорит миссис Прайс, глядя куда-то поверх моей головы.

– Ага. – Прайс встает, рыгает, разворачивается на каблуках, делает шаг, другой и снова поворачивается. – Тебя. – Его палец указывает на мое лицо. – Она тебя зовет.

– Ах да! – Я поднимаюсь, разглаживаю юбки и неохотно следую за ним в глубь дома.

Прайс останавливается перед крайней дверью слева и говорит:

– Пришли. – И его шаги громяют в обратном направлении.

Даже не знаю, чего ожидать от Имоджен Бэнвилл. Может быть, она окажется хрупкой болезненной женщиной, возможно нервной, неспособной контролировать никчемную прислугу? Уже заготовив для нее немного жалости, я стучусь в дверь.

– Входите. – Эта лаконичная команда, брошенная звучным голосом, определенно принадлежит не хрупкой слабой леди. Я толкаю дверь. Она лежит на шезлонге, золотисто-каштановые волосы нimbом рассыпались вокруг бледного лица. Она моложе, чем я предполагала, – ей не больше сорока, то есть на пару десятков лет младше своего супруга, у нее раскосые глаза и поразительно длинные ресницы. В ней нет ничего болезненного, как раз напротив.

Она поднимается на локоть и хмурится.

– Да?

– Я Мод Ловелл. Новая ассистентка вашего мужа.

– А-а. – Она зеваает и подносит ко рту зубочистку.

– Мне сказали, вы хотели меня видеть.

– Да? – Она хмурится, а затем смеется. – Ах да. –

Имоджен встает одним изящным движением и обходит меня, оглядывая с ног до головы, как корову на рынке. Завершив осмотр, она отступает назад, губы сжаты, голова наклонена.

– Когда мне сказали, что он нанял ассистентку, я уж было решила, что он имел в виду шлюху.

Я не могу придумать, что сказать в ответ.

– Наконец-то нашел в себе силы на это, подумала было я, но теперь вижу, что ошибалась. – Она возвращается к шезлонгу и со вздохом опускается на него, вытягивая длинные конечности. Она зеваает. – У моего мужа великолепный вкус, моя дорогая, а ты не так уж хороша.

Я выдавливаю улыбку:

– И это крайне удачное совпадение, потому что у меня нет намерения заниматься этим ремеслом. – Я разворачиваюсь к двери.

– Девчонка.

Глубокий вдох.

– Меня зовут Мод.

– Прайс рассказал мне, что ты метишь выше своего места.

– Нет, вовсе нет. Я только...

– Тогда для тебя не составит сложности вымыть здесь пол. – Она указывает на грязный ковер, весь в пятнах и

следах каких-то жидкостей.

– Мадам, вы путаете меня со служанкой.

Она фыркает.

– Ничего я не путаю. Либо ты отмываешь пол, либо пакуешь свои жалкие чемоданы и отправляешься в рабочий дом.

Она знает, что я в отчаянии, что у меня ничего нет. Эта мысль читается в ее глазах.

– Да, мадам.

И, опустившись на колени, я мою и чищу ковер. Но ей этого мало. Затем я мою деревянный пол. Натаирую доски, а мыльная вода пачкает мою юбку и щепки цепляются за ткань. Все мои мечты разбиты, их осколки лежат передо мной. Ученый? Как глупо питать такие надежды. Как же глупо! Слезы жалости к себе падают на руки, пока я ползаю по полу у ее ног. Не позволю ей увидеть мои слезы, ни ей, ни хоть кому-нибудь из них. Никто из них никогда не увидит моих слез.

Я открываю глаза и вижу, как Диамант яростно пишет в своей книжке. Он поднимает взгляд.

– Вы – ученый, Мод. – Его голос напряжен от притворной веселости.

Правда? Возможно, когда-то я и была неким подобием ученого, по меньшей мере играла эту роль.

– И проницательный!

Я улыбаюсь и делаю вид, что мне приятно это слышать, хотя какая сейчас от этого польза?

– Это я вам об этом сказала?

– Да. Ты очень хорошо описываешь свой опыт. – Он возвращается к записям. – Но нам все еще предстоит узнать, что случилось с твоими братьями.

Меня передергивает от боли.

– Это вполне может быть ключом к вашей болезни. Как только мы справимся с этим, я гарантирую – вы будете здоровы и готовы к выписке.

Он захлопывает книгу, будто ставит точку, будто дело уже сделано.

– А что потом? Куда мне идти дальше?

– Ну, я не вижу причины, по которой вы не могли бы вернуться к избранной профессии и научным исследованиям.

– Вернуться к исследованиям?

Мои глаза обращаются к окну, где закатное солнце нежно целует осенние листья. Какими же яркими красками внезапно вспыхнул мир, как много в нем стало света и надежды. Так значит, не все потеряно. Еще есть надежда на новое и лучшее будущее.

Глава 11

Я – ученый? Может ли это быть правдой? Интересно, какими знаниями я владела, какие эксперименты ставила. Наверняка их было много. Воспоминания о них должны храниться где-то в моей голове. Я вытаскиваю карандаш из рукава, достаю тетрадь из-под окна и открываю чистую страницу. Там были растения, микроскоп и...

Ничего. Мою голову заполняют шум, бормотание и стоны, колокола и часы, там нет места растениям или латинским названиям, да и вообще ни для чего больше в ней места нет.

Проходит около часа, а я записываю всего два слова: «боярышник» и «вода».

Тик. Так. Часы отсчитывают секунды. Хотелось бы остановить этот маятник, но никто не говорит мне, где он. Они притворяются, что не слышат его, как и колокол. «Какие часы? – говорят они мне. – Какой колокол?» Все это делается, чтобы окончательно свести меня с ума. Однажды я найду эти часы и навсегда остановлю их.

Постепенно проблеск надежды угасает. Нельзя позволить ему исчезнуть. Нет, я должна беречь его, как последний уголек в камине. Необходимо раздуть это пламя, вернуть его к жизни. Мне просто надо прочесть пару книг, чтобы вспомнить.

Как же не терпится попасть в галерею, но я стараюсь

скрыть это от персонала. Малейший проблеск волнения – и я обречена пускать слюни на любые книги, какие бы мне ни дал капеллан.

Подбородок играет на пианино. У нее слишком толстые пальцы, поэтому вместо одной ноты она постоянно выдает две сразу. Это не имело бы большого значения, если бы она не ударяла по клавишам с такой силой, словно ненавидит их.

А вот и священник, сидит за столом. Он видит, как я то-роплюсь к нему, и съезживается, бедный. Неужели я внушаю такой ужас? Замедляю шаг и пытаюсь улыбнуться. Кажется, это сбивает его с толку. Он колеблется, глаза бегают туда-сюда, берет одну книгу за другой. Наконец он хватается за «Большие надежды», возможно, чтобы отбиваться ею от меня.

– Не сегодня, спасибо.

Его лицо сморщивается.

– Мне хотелось бы взять что-нибудь по науке, если у вас есть такое, – говорю я.

Он разглядывает меня сквозь очки.

– По ботанике, если можно. – Кажется, это слово ему незнакомо. – Растения? Любая наука подойдет. Биология? Химия? – Ну должен же он хоть что-нибудь из этого знать. – О природе, о мире снаружи. – Я указываю на окна.

Он сглаживает и облизывает губы.

– Должен призвать вас обратиться к Священному Писанию.

– К Писанию?

– Науке не под силу объяснить бесконечную сложность творения Господня.

– И все же...

Он исчезает под столом, где должна быть спрятана еще одна коробка, и вылезает оттуда с огромным томом в кожаном переплете.

– Книга Бытия.

Его глаза горят священным огнем – или лихорадкой – или, возможно, это из-за очков кажется, что они так выпучены.

– Книга Бытия объясняет все, что человеку нужно знать о тварях на суше и в море, о деревьях и растениях, о звездах в небе. – В его голосе звучит праведное рвение, а на губах играет улыбка надежды, которая сникает и увядает при виде выражения моего лица. – Человеку с... – Он нервно смеется. – С душевным недугом, такой леди, как вы, лучше уповать на Господа, а не на людей.

– У вас есть хоть какие-нибудь научные труды?

Он откашливается.

– Нет.

– Тогда я возьму «Большие надежды». – Я хватаю книгу со стола. Значит, никакой науки для меня, точно не сегодня, впрочем, я уже сильно сомневаюсь, что вообще когда-нибудь смогу снова читать, потому что слишком занята скрежетом зубовым.

Я сажусь туда же, где и в прошлый раз. По комнате бегают

женщина – носится из одного конца в другой, только рыжие волосы развеваются за ее спиной. Вперед – назад, вперед – назад, отскакивает то от одной стены, то от другой, будто мячик. Наверное, это она бежит по лестнице.

Я сижу к ней спиной. Так мне почти не видно ее. Она не более чем назойливое мельтешение в краю глаза. Она хотя бы не смеется. Этого я бы не вынесла. Нужно что-то с этим сделать. Пока она держится от меня подальше, все хорошо. Пока она остается в другом конце галереи.

Стрелки часов движутся. В галерее еще более шумно, чем раньше. Слишком много женщин собралось вместе. Какой же шум стоит из-за всех этих выкриков, квохтанья и смеха. Сколько из них, как и я, ходят к Диаманту в кабинет? У всех уже есть по тетради? А карандаши в рукаве? Кровь стынет в жилах от одной мысли.

«Большие надежды» так и лежат неоткрытой у меня на коленях. Я не слышу собственных мыслей. Пытаюсь сосредоточиться на обложке книги и не слушать беготню рыжеволосой одержимой, и ее сбивчивое дыхание, и пианино, и пение. Много сил уходит на то, чтобы не слушать все повторяющиеся и повторяющиеся звуки.

Пианино не смолкает. Бам-бам-бам – громыкает Подбородок по клавишам. Она поворачивает голову, когда принимается петь, шевелит губами, выжидающе поднимает брови. «Дейзи, Дейзи, дай же мне ответ, ответ...»

Вот бы она заткнулась, закрыла свой рот – эту бездонную

дыру с черными зубами и вонью, вонью... Мои уши заполняет вода, и я не вижу ничего, кроме его рта.

Нет. Нет. Все не так. Я спутала ее с кем-то другим. У нее желтоватые зубы, а не гнилые, не черные.

Уже какое-то время передо мной стоит девушка и улыбается. Она небольшого роста, с туго зачесанными черными волосами и светло-кариими глазами. У нее мягкий овал лица и по-детски гладкая кожа. Ей не больше тринадцати.

– Это моя любимая книга. – Она указывает на «Большие надежды».

Я прижимаю ее к груди. Вдруг она заметит кровь на странице и все расскажет.

– Мне она не нужна. Я уже прочла ее, – сообщает она.

– Я тоже. – Теперь мы с ней словно соревнуемся. – И не раз.

– Так почему бы тебе не прочесть что-нибудь еще? – Она указывает на священника. – У него много книг.

– Я не хочу. – Наверное, она здесь недавно, и никто не сказал ей держаться от меня подальше. Надо было сказать ей. Правда стоило.

– Тебе стоит держаться от меня подальше, – предупреждаю я.

Девочка садится рядом и складывает руки на коленях.

– Почему?

– Потому что я опасна.

Ее карие глаза заглядывают в мои.

– Мне не страшно.

– Ты не знаешь меня.

– Мы могли бы дружить. – Она оглядывает комнату. – Тебе нравится читать, мне – тоже. Остальные здесь все сумасшедшие.

– Мне не нужен друг. – Надо отвернуться, я злюсь на себя за навернувшиеся на глаза слезы. – К тому же ты тоже сумасшедшая, а я не хочу дружить с больными.

Она встает и уходит.

Я не отрываю взгляд от «Больших надежд». И еще долго не поднимаю глаза, а когда наконец набираюсь смелости, вижу, что она сидит в другом конце комнаты с книгой и уголки ее рта опущены.

Почему я не могу быть дружелюбной, открытой, нормальной? Это не в моей природе, как говорит Уомак. Зло течет по моим венам, говорит он. – Возможно, так и есть.

Звонят к обеду. В столовой я втискиваюсь на краешек скамьи. Нас кормят склизким, жирным супом с ветчиной и горошком. Мясо жилистое, а горох почти весь бежевый и твердый, будто только что из упаковки, только теплый и мокрый.

Все едят. Хрустят, чавкают.

Подбородок тыкает меня в спину.

– Ешь давай.

– Горох не доварен.

Она фыркает.

– Ишь как вы проницательны, мисс высокородие!

Больные смеются с разинутыми ртами, еда летит во все стороны, стекает по подбородкам. В углу стоит странный мужчина с наполненными гневом глазами.

– Высокородная. Высокородная, – выплевывает он слова.

У женщины рядом со мной нет зубов. Она шлепает челюстями. Шлеп-шлеп. Розовые челюсти. Блестящие пронзительные глаза. Шлеп-шлеп. Чтобы заглушить весь этот шум, я напеваю себе под нос мелодию, которую, кажется, слышала где-то:

– Птичка-певунья в золотой клетке...

Отталкиваю миску – есть все равно не хочется – и поднимаюсь. Пол уплывает от меня.

– Что с ней стряслось? – доносится издали голос Сливы.

– Она как-то странно вела себя за обедом.

Не получается разлепить глаза – веки слишком тяжелые. Слива произносит что-то еще, но я слишком устала, чтобы разобрать ее слова, да и к тому же меня где-то ждут, ведь я теперь наемный работник и не могу просто так сидеть без дела.

– Этот нелепый эксперимент отбросил Мэри на много лет назад, – говорит Уомак.

– Да, доктор. – В голосе Подбородка звучит удовлетворение. Я почти вижу, как сияют ее глаза, а губы растягиваются в довольной ухмылке.

Неважно. Для меня это все пустяки. Нет, это все абсолютно ничего не значит, ведь я где-то в другом месте, на мне

нежно-зеленое платье искусной работы, и я должна вычистить камин и разжечь огонь, протереть книги, стереть пыль с полок и отполировать шкафы.

Пробирки запылились, колбы тоже, а еще мензурки, пипетки, котелки, оловянные кастрюльки, и все это я должна отмыть. Ах да, и еще полка с желтыми банками, занавешенными паутиной. Их тоже надо протереть. Мне становится душно, будто это меня заперли в банке с желтой жидкостью, лишив кислорода и свободы. Эти глаза, полные отчаяния глаза. Я отверну их всех к стене. Да-да. Тогда их можно принять за маринованные овощи или за странные растения из дальних стран, пушистые и с хвостиками.

Перед глазами темнота, из соседней палаты доносятся храп и стоны. Лисица кричит где-то вдалеке, ее зов долетает будто из другого мира. Она охотится, рыскает по полю в поисках добычи. Закрыв глаза, пытаюсь представить себя этой лисицей, которой никто не запретит скитаться, идти куда ей вздумается. Я мечтаю, что бегу, перемахиваю через забор и обретаю свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.